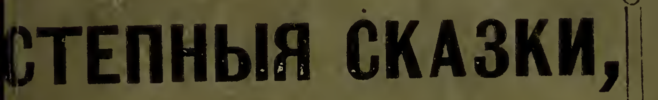

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТЕПНЫЯ СКАЗКИ,

СОЧИНЕНІЕ

ГРИГОРІЯ ДАНИЛЕВСКАГО.

[illegible]

Крымскій плѣнникъ.

Ивашко.

Сонъ въ майскую ночь.

Огненный цвѣтокъ.

Оборотень.

Походъ казаковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи И. Фишона.
1852.

Марии Платоновне

Карцовой

от преданнаго ав[тора]

22 Октября, 1852 г.
С. П. Б.

СТЕПНЫЯ СКАЗКИ.

СТЕПНЫЯ СКАЗКИ.

Стихотворенія

ГРИГОРІЯ ДАНИЛЕВСКАГО.

Мудрая свирѣль.
Крымскій плѣнникъ.
Ивашко.
Сонъ въ майскую ночь.
Огненный цвѣтокъ.
Оборотень.
Походъ казаковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи И. Фишона.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 29-го Апрѣля 1852 года.

Цензоръ *І. Фрейганъ.*

СТЕПНЫЯ СКАЗКИ.

(Ек. Гр. Иванчиной-Писаревой.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Пустынная жизнь обитателей украинскихъ хуторовъ полна стремленія ко всему фантастическому. Обстановка этой жизни, тихой и немудреной, степи безъ конца, небо, сверкающее безднами звѣздъ, громадные овраги, поросшіе мшистыми кустарниками, лѣса по широкимъ рѣкамъ, полные мрака и чудныхъ, неумолкаемыхъ голосовъ, голубыя свѣтлыя озера въ каймахъ изъ зеленыхъ тростниковъ, съ безчисленными стаями дикихъ гусей, журавлей и чаекъ, — все это вмѣстѣ породило въ душѣ хуторянина какое-то мечтательное довольство окружающимъ, страстную любовь къ картинностямъ своей природы, причудливую способность передавать чувства и мысли свои предметамъ, поражающимъ его вниманіе, осмысливать свои грезы, грезы — въ тѣни душистыхъ черемухъ, у крыльца бѣлыхъ, низенькихъ мазанокъ, очеловѣчивать и одухотворять каждый образъ и каждую картину, по чему бы то ни было близкіе ему и дорогіе. Вотъ почему пѣсни и сказки Украинцевъ полны такой привлекательности, чистоты и поэтичности. Въ сказкахъ, вышедшихъ

изъ глубины степей, нѣтъ ничего туманнаго, неопредѣленнаго, капризно-запутаннаго и негармоническаго. Въ нихъ нѣтъ романтизма сказокъ германскихъ, испанскихъ и швейцарскихъ, нѣтъ и яркой, необузданной и — увы! часто неимѣющей рѣшительно никакого смысла фантастичности сагъ, перешедшихъ къ намъ изъ страны «Тысячи и одной ночи». Въ нихъ мало запутанности и идеальности, за то въ нихъ богато бьетъ живая струя народности, создавшей ихъ, за то онѣ полны смысла и образности, часто истинно-поэтической. Онѣ родились не въ мірѣ идеальномъ, не въ странахъ заоблачныхъ, а въ сосѣдствѣ людей, въ сосѣдствѣ страстей и дѣйствій человѣческихъ, подъ вліяніемъ жизни дѣйствительной, — и эта непосредственность ихъ созданія причина, почему эти сказки такъ любимы народомъ, создавшимъ ихъ и положившимъ на нихъ печать своего оригинальнаго ума и чувства.

Слободская Украина, предпочтительно передъ другими мѣстами міра степей и кургановъ, родина малороссійскихъ пѣсень и сказокъ. Въ ней, ранѣе другихъ мѣстъ Запорожья и Гетманщины, образовалась жизнь осѣдлая, семейная, ранѣе другихъ мѣстъ казакъ въ ней бросилъ ремесло «гайдамака» и «рыцаря», и сдѣлался мирнымъ хуторяниномъ, чумакомъ, хлѣборобомъ, гречкосѣемъ и бурлакомъ. Сабля обращена въ косу, вороной конь смѣненъ парою круторогихъ воловъ, алый куптушъ уступилъ мѣсто сѣрой свиткѣ, а разсказы про кровавыя схватки съ Ляхами и Турками за-

мѣнились домашними балладами и идилліями, пѣснями влюбленныхъ юношей и юмористическими разсказами сѣдыхъ балагуровъ. Старина стариною, а современность современностью , и думы Украинцами цѣнятся столько же, какъ и сказки. Не даромъ сложена у хуторянъ пѣсня :

«Ой, фортуно, фортуненько,
«Послужи жъ ще такъ корыстно:
«Служила въ казацьствѣ, служила въ бурлацьствѣ,
«Послужи жъ ще й въ чумацьствѣ».

Небо не обошло въ дарахъ природы слободскихъ хуторянъ. Рѣка Донецъ, на всемъ протяженіи отъ села Малиновки до горы Кременца, полна самыхъ плѣнительныхъ картинъ! Правый берегъ его, низменный и влажный, богатъ изумительно-роскошною растительностію. Дубовые лѣса , несмотря на топоръ владѣльцевъ ихъ , донынѣ полны истинно-сказочной таинственности. Среди ихъ черныхъ кущей дремлютъ величавыя, обрамленныя камышами и павиликою, озера. Серебряный крикъ лебедя и золотая флейта иволги чудно нарушаютъ тишину этихъ вѣковыхъ дебрей. Мшистые вязы и дубы здѣсь такъ густы и высоки, что шелестъ шаговъ теряется у подножія ихъ безъ отголосковъ и чуть-чуть слышатся крики птицъ, порхающихъ надъ ихъ темною листвою. Иногда , надъ узкими полянами лѣса , пролетаетъ съ пронзительнымъ карканьемъ стая грачей, и тогда, сквозь эту волнующуюся бездну, какъ сквозь черную, устлавшую небо власяницу, кажется, что солнце внезапно погасло и настала на землѣ какая-то чудная, фантастическая

ночь. Пролетаетъ эта стая, ослѣпительное солнце снова сыплетъ снопы своихъ лучей на зеленыя луговины пролѣсковъ, а путникъ, зашедшій въ эту таинственную дебрь, все еще не можетъ опомниться, съ трепетомъ прислушивается къ каждому звуку, съ трепетомъ вглядывается въ каждый листикъ пестрыхъ травъ, и въ причудливыхъ образахъ являются ему среди пустыни и бѣлая вѣтка черемухи, и медовой кануперъ, и бархатистая полоса сочнаго любистка, и барвинокъ, и нечосапанночка, и заячья-капустка, и алая троянда, и голубые колокольчики, и цѣлая бездна цвѣтовъ благоухающаго лѣса!

Переплыветъ ли путникъ-Донецъ и вскарабкается, хватаясь за цѣпкія нити барвинка, на его лѣвый берегъ, и между двухъ совершенно-обнаженныхъ холмовъ его, взглянетъ на степь, которая неожиданно выступитъ и сверкнетъ передъ его глазами, — новыя чудныя картины и новыя чудныя впечатлѣнія! Зеленымъ жертвенникомъ блещетъ необглядная степь. Клубятся и катятся надъ нею волны благоуханій. Марево созидаетъ и разрушаетъ въ дрожащемъ воздухѣ села, башни, города и полчища. Села, башни, города и полчища, принимая алые, голубые, бѣлые и зеленые цвѣта, плывутъ надъ туманною далью и исчезаютъ за песчанымъ холмомъ, на которомъ пестрѣетъ очеркъ длиннаго журавля, поджавшаго подъ крылья одну ногу и заснувшаго, стоя на другой и выставивъ на воздухъ свой длинный острый носъ... Солнце садится, розовыя полосы ползутъ по тучамъ; надъ

каждою травкой, надъ каждымъ листикомъ, усѣяннымъ изумрудными мошками, какъ мошки роятся, съ замирающимъ и тонущемъ въ вечерней мглѣ, пѣніемъ, пестрыя птички... У ногъ стелется и дрожитъ сѣрая точка, тѣнь распластаннаго въ небѣ орла. Не успѣешь взглянуть на нее, какъ она уже ускользаетъ и дрожитъ далеко, далеко, перебѣгая по опрокинутымъ головкамъ колокольчиковъ и тюльпановъ...

Въ долгія зимнія ночи, въ тѣсной свѣтелкѣ низенькой мазанки, подъ завываніе мятелей и волковъ, подъ трескъ «каганца» и жужжаніе веретенъ, хуторяне, куря коротенькія люльки, собираются къ любимымъ своимъ балагурамъ, слушать сказки. Лѣтомъ изъ степи, изъ-за Донца, являются къ слобожапамъ на приходскіе праздники и ярмарки слѣпцы съ бандурами, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ суконныхъ свиткахъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ маленькими провожатыми: провожатые народъ большею частію плутовской, загорѣлый, съ рыжими косматыми волосами и въ веснушкахъ; въ то время, какъ ихъ дѣды, оперши изсохшія руки на звонкострунныя бандуры, поютъ, покачивая сѣдою головою, они достаютъ изъ мѣшка все лучшее по части припасовъ и преспокойно принимаются ѣсть, или обходятъ съ шапкою слушателей, собираютъ деньги и не всегда сполна передаютъ ихъ своимъ «Гомерамъ». При уходѣ бандуриста на хуторѣ является нѣсколько новыхъ пѣсень, а иногда и цѣлая дума, заученная со словъ слѣпаго старца за какой нибудь ручникъ, пару

сапоговъ или кусокъ сала. Эти думы и пѣсни, по словамъ И. И. Срезневскаго (въ «Запорожской Старинѣ»), съ искони — «подчиненныя музыкѣ, будучи вытверживаемы слово въ слово, или почти такъ, правильнѣе сохранили свое содержаніе и любопытны, какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мнѣній и наклонностей народа». Дѣвушки, одаренныя поэтическимъ чутьемъ и музыкальною памятью, обладаютъ огромнымъ запасомъ пѣсень, думъ и сказокъ. Состарѣвшись, онѣ принимаютъ какой-то въ высшей степени оригинальный и симпатическій характеръ. Вотъ переводъ одной изъ пьесъ Амвросія Могилы, представляющей образъ такой милой старушки: «Старую бабусеньку припомню! она меня лелеяла: пѣснями пеленала, роднымъ словомъ кормила, родной рѣчи учила, старую бабусеньку припомню! Припомню старую сиротинку! ее, родимую, давно уже взяла могила, и землей сдавила, и крапивою укрыла, и дождемъ смочила! Она была сиротинка: потому что давно уже ея дитятко, что въ походъ ходило, голову сложило, въ степи-полѣ задремало, грому и вѣтру не слыхало... Про казака она пѣвала: какъ его мать отпускала, дуброва шумѣла; какъ она его вызывала, со степи пѣсня летѣла: «что онъ съ вѣтромъ тамъ играетъ, его дождикъ умываетъ, а расчесываетъ тернъ!» И про того казака пѣла, про котораго могила съ вѣтромъ говорила: надъ нимъ кукушка плачетъ, его конь по степи скачетъ, надъ нимъ чорный воронъ крячетъ; крячетъ, налетаетъ,

очи вырываетъ, кровью запиваетъ... и про него она пѣла! Да еще она вспоминала: какъ кукушка куковала, горе предвѣщала; какъ казацкая удаль копья, сабли изтупила, длинный чубъ въ крови смочила и въ глубокую могилу зарыла! Бабусенька мнѣ пѣвала, точно осень листья срывала и въ осокѣ шелестѣла: уже замеръ голосъ, бабусенька хрипѣла; но все она мнѣ пѣла, но все она мнѣ пѣла!»

Кромѣ домашнихъ разскащиковъ, захожихъ бандуристовъ-слѣпцовъ и этихъ поэтическихъ старушекъ, которыя все рѣже и рѣже, какъ запоздалый снѣгъ среди лѣта, въ глубокомъ оврагѣ, встрѣчаются нынѣ съ своими разсказами и пѣснями въ хуторахъ украинскихъ, хранительницею пѣсенъ и сказокъ является и молодежь украинскихъ хуторовъ. Малороссіяне народъ въ высшей степени музыкальный. Чтобъ дать хотя малое понятіе объ этой, еще почти невѣдомой музыкальности, мы укажемъ на слѣдующій фактъ: одинъ нашъ соотечественникъ, обладающій, кромѣ другихъ разнообразныхъ талантовъ, еще талантомъ музыканта и композитора, задумалъ собрать малороссійскія народныя пѣсни; онъ собралъ и записалъ слова и музыку пѣсень только небольшаго участка слободской Украйны, и этихъ пѣсень, въ-продолженіи четырехъ или пяти лѣтъ, онъ собралъ болѣе трехъсотъ... Другой примѣръ — слова О. М. Бодянскаго, въ его сочиненіи «О народной поэзіи славянскихъ племенъ.» Онъ говоритъ: «Въ нашемъ собраніи пѣсень украинскихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за

полное, начатомъ за семь лѣтъ передъ этимъ (1837 г.) и наполняемомъ пѣснями, собранными только въ Полтавской губерніи, теперь имѣется уже слишкомъ за 8,000 пѣсень!» Собраніе О. М. Бодянскаго состоитъ, сколько намъ извѣстно, изъ собранія однихъ «словъ» украинскихъ пѣсень; но и это одно уже показываетъ, какъ поэтиченъ народъ украинскихъ степей! И въ самомъ дѣлѣ, у него на все и во всякое время своя пѣсня. Пословица украинская говоритъ: «Ляхъ падокъ до скаканья, а казакъ до спѣванья!» Покойный Гоголь, въ статьѣ о пѣсняхъ малороссійскихъ, помѣщенной въ «Арабескахъ,» замѣчаетъ: «Пѣсни для Малороссіи все—и поэзія и отцевская могила. Онѣ могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что не отрываются ни на мигъ отъ жизни, и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему состоянію чувствъ!» Пѣсня — дневникъ Малороссіянина, въ который онъ вноситъ все, что мыслитъ, чувствуетъ и дѣлаетъ. И въ этомъ отношеніи она раздѣляетъ одну участь съ украинскою сказкою... Покойный Гоголь до конца своей жизни глубоко цѣнилъ малороссійскія пѣсни. Онъ собралъ подъ Кіевомъ и подъ Полтавой около тридцати степныхъ пѣсенъ съ музыкою, кое-какъ записанною, и приходилъ въ восторгъ, слушая какъ его ученицы распѣвали пѣсни чернобровыхъ казачекъ. Автору этой книги суждено было, за три мѣсяца до кончины Гоголя, въ Москвѣ, въ семействѣ, которое видѣло Гоголя въ своей средѣ почти ежедневно, быть свидѣтелемъ одного изъ такихъ, устрои-

ваемыхъ Гоголемъ музыкальныхъ вечеровъ. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, Гоголь принималъ самое горячее участіе въ этомъ вечерѣ, поправлялъ мотивы и манеру пѣнія, самъ припоминалъ многія, почти никому неизвѣстныя степныя пѣсни, заставлялъ ихъ записывать и радовался отъ души слухамъ о предпринимаемыхъ собраніяхъ украинскихъ пѣсень. Одно его печалило: онъ отъ кого-то узналъ (не знаемъ, на сколько это справедливо), что одинъ молодой русскій композиторъ, задумавшій и почти выполнившій оперу, сюжетомъ которой послужила его лучшая малороссійская повѣсть, совершенно почти обошелъ при этомъ трудѣ украинскія пѣсни, и заставилъ своихъ казаковъ и панночекъ пѣть отвлеченные мотивы философской музыки, украшенной всѣми богатствами контрапункта и генералъ-баса.

Между слободскою молодежью Малороссіи встрѣчаются несравненные голоса, быть-можетъ, голоса, которые современемъ будутъ принадлежать русскимъ Маріо и русскимъ Персіани, талантамъ, которые оживятъ сцену русскихъ композиторовъ... Не одинъ проѣзжающій черезъ придонецкіе хутора, подъ вечеръ, когда косари идутъ съ поля, дымъ сѣрыми струйками тянется изъ трубъ и молодыя казачки выходятъ за ворота, не одинъ проѣзжающій, остановясь за околицею, до поздней ночи заслушивался мелодическаго пѣнія степнячекъ. Въ жизни украинскаго поселянина можно различить два періода, раздѣляемые чертами рѣзкими;

первый есть время его юности, молодечества. Тогда онъ является безпечнымъ, увлеченнымъ фантазіею. Второй начинается для него съ тѣхъ поръ, какъ онъ женится... Тогда онъ становится разсудительнымъ, прозаическимъ. Пора юности его — пора пѣсень и волокитства! Когда въ степи настаетъ лѣто, въ хуторахъ начинаются «улицы», собранія парубковъ и дивчатъ, проводимыя въ шуткахъ и пѣсняхъ и въ нѣжныхъ изъясненіяхъ влюбленныхъ паръ. Въ часъ, когда «коровы идутъ изъ дубровы, а овечки съ поля» — когда солнце станетъ «низенько, а вечеръ близенько», молодой парубокъ тихо подходитъ къ окну своей милой, у которой дворикъ пересаженъ вишеньками, какъ-будто нарочно для того, чтобъ голосъ любезнаго «не доходилъ до батька» — онъ томнымъ напѣвомъ призываетъ ее на свиданіе.... «Смотри, говоритъ онъ, зорочка вечерняя вышла противъ мѣсяца! выйди и ты ко мнѣ, моя зорочка ясная! Не бойся морозу! я твои ножки въ шапку положу!» — Намиловавшись вдоволь, и успокоенные взаимными клятвами, парубокъ и дивчина разбѣгаются и теряются въ толпѣ молодежи: начинается «улица»... Но когда мѣсяцъ обтекаетъ полъ-неба, они снова ускользаютъ изъ толпы, тихо прокрадываются къ вербамъ, повѣсившимъ свои вѣтви въ свѣтлыя волны озера, и просятъ мѣсяцъ, чтобъ онъ зашелъ за хату и далъ имъ наговориться! И тогда только, какъ соловей, распѣвая, стряхнетъ съ листьевъ утреннюю росу, идетъ парубокъ съ улицы на поле, на работу! И цѣлый

день глаза его обращаются туда, гдѣ «дороженька къ его миленькой»...

Въ этомъ періодѣ жизни слагаются лучшія пѣсни Украинцевъ. Но эта пора кратковременна, и пора жизни послѣ брака, пора трудовъ, безъ мечтаній, заботъ, безъ порывовъ фантазіи, пора зимнихъ вечеровъ и сказокъ наступаетъ непримѣтно. Все здѣсь принимаетъ характеръ опредѣленности, строгости; воображеніе уступаетъ мѣсто разсудку, лирика смѣняется эпосомъ, и каждый новый годъ вплетаетъ новые эпизоды въ чудную украинскую «Иліаду» и слѣпые бандуристы, эти странствующіе Гомеры, разносятъ ее далеко по степямъ малороссійскаго юга... Тутъ уже играютъ роль не волокитство и не дворикъ, пересаженный вишеньками, а нужды житейскія, насущный хлѣбъ, волы и грезы — единственныя грезы — о богатствѣ. И, разбогатѣвъ, хуторянинъ ложится на печь и, куря свою трубку, говоритъ въ упоеніи:

„Покою, мій, покою!
„Любо мини съ тобою!..“

Многія пѣсни Украинцевъ начинаются рѣчью о коняхъ и Татарахъ, а кончаются «сѣрыми волами и мазницами.» Въ пристрастіи къ воламъ видны послѣдніе слѣды безпечной молодости хуторянъ. Ставши изъ юноши работникомъ, хуторянинъ всему предпочитаетъ ремесло «чумака», и на парѣ воловъ своихъ готовъ объѣхать цѣлый свѣтъ. И не одинъ интересъ движетъ имъ: въ немъ кипитъ какое-то безотчетное стремленіе къ путешествіямъ, приключеніямъ, и — увы! отторженію отъ семейныхъ узъ Похожденія

его въ Крыму, куда онъ ѣздитъ за солью, въ Туречинѣ и другихъ странахъ, даютъ богатую пищу его воображенію, и къ зимѣ онъ привозитъ цѣлый коробъ разсказовъ.... И самою любимою темою этихъ разсказовъ о чумачествѣ служитъ смерть бурлака «въ чужомъ краю.» Волы столь же драгоцѣнны для чумака, какъ вороные кони для казака... Они заранѣе даютъ знать о близкой кончинѣ хозяина: они ревутъ, воды не пьютъ, подобно тому, какъ конь, предчувствуя смерть своего пана, спотыкается въ воротахъ. Чумакъ становится скученъ, грустенъ; онъ болѣетъ и товарищи его не покидаютъ; всѣ ухаживаютъ за нимъ съ братскимъ попеченіемъ; больной проситъ въ послѣдній разъ привести къ нему воловъ и бесѣдуетъ съ ними: «Волы мои половые, кто надъ вами паномъ будетъ, когда меня, чумака, на бѣломъ свѣтѣ не будетъ?» потомъ заказываетъ поклонъ домашнимъ и умираетъ... Его хоронятъ въ зеленомъ полѣ, кукушка прилетаетъ къ нему на могилу, — а товарищи идутъ далѣе, въ первомъ селѣ бьютъ въ колоколъ по усопшемъ, покупаютъ горѣлки, варятъ кашу, бросаютъ «въ кашу чабака — и такъ поминаютъ чумака!»

Сообразивши все вышесказанное, мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: пѣсни, думы и сказки украинскія носятъ на себѣ вѣрный отпечатокъ характера и чувства народа, создавшаго ихъ, вѣрный отпечатокъ природы украинской и дѣйствительной жизни обитателей степей. Но, слу-

жа дневникомъ этой жизни, пѣсни составляютъ собственно принадлежность молодежи украинской, думы принадлежность слѣпцовъ, бандуристовъ, скитающихся по ярмаркамъ, селамъ и городамъ, а сказки—принадлежность старости, осени и зимы украинской жизни. Тѣмъ не менѣе однако и пѣсни, и думы, и сказки, съ одинакою любовью слушаются въ степяхъ и стариками, и молодыми, и парубками, и дивчатами...

Намъ остается сказать, что предлагаемыя здѣсь сказки слышаны нами отъ придонецкихъ хуторянъ, между Зміевомъ и Изюмомъ. Одна только послѣдняя разсказана авторомъ на основаніи думы, записанной И. И. Срезневскимъ, со словъ слѣпца-бандуриста, въ Екатеринославской губерніи.

15 мая, 1852 г.

СТЕПЬ.

Пролетѣлъ дождь и громъ! Межъ высокой травой,
Подъ утесомъ, надъ зеркаломъ водъ,
Я къ березкѣ съ любовью припалъ головой,
Надо мной голубой небосводъ!
Я дремлю — не дремлю,
Соннымъ взоромъ ловлю
Тѣни тучь,
Звонкій ключь
И по мхамъ пробѣгающій лучь!
Въ паутинкѣ, какъ въ люлькѣ, качается жукъ,
Стрекоза подъ былинкой звенитъ,
Съ изумрудной коровкой сражаясь, паукъ
Надъ коронкой фіалки виситъ;
А въ лучѣ, межъ травой,
Все въ пыли золотой,
Лепестки,
Мотыльки,
Червячки и малютки цвѣтки!
Благовонныя капли по вѣтвямъ висятъ,
Степь полна и прохлады и сна;
Дунулъ вѣтеръ, и перлы на землю летятъ,
И березка звучитъ, какъ струна....

И колышется боръ,
И встаетъ разговоръ
По горамъ,
По доламъ,
По кустамъ и по дальнымъ холмамъ!
Я тону въ страстномъ шопотѣ хмѣля и розъ,
Въ гордомъ шумѣ дубовыхъ вѣтвей,
Въ нѣжномъ трепетѣ травъ, въ звучномъ лепетѣ лозъ,
Въ плескѣ водъ и въ жужжаньи шмѣлей —

И я жажду обнять
Грудь пустыни, какъ мать,
Межъ деревъ
И цвѣтовъ
Я заснуть, какъ младенецъ, готовъ!

I.

ЖИВАЯ СВИРѢЛЬ.

— «Давнымъ-давно, жили-были люди старые, старикъ со старухой — а и было у нихъ, у старыихъ, дѣтище, дѣтище малое, ненаглядное.»

Въ степи нѣмой, пустынно-необъятной,
Въ глуши полей, осыпанныхъ ковылью,
Широкимъ лопухо́мъ, янтарной кашкой
И голубымъ петровымъ-батогомъ,
Подъ воздухомъ налитымъ ароматомъ —
Клубники, ландышей и дикихъ яблонь,
Лиловыхъ колокольчиковъ и мака,
И розъ, и тысячи цѣлебныхъ травъ —
Жилъ пасѣчникъ, казакъ сѣдой и дряхлый,
Съ своей женой да съ малыми дѣтьми...
Онъ день и ночь лѣнился на привольи —
Курилъ табакъ — все думалъ, да молчалъ —
Лежалъ въ тѣни плетня своей землянки,
А на зарѣ стрѣлялъ гусей да утокъ,
Когда порой, пугливой вереницей,

Загнувъ назадъ пурпуровыя ноги
И шею вытянувъ, и чуть звеня
Своимъ крыломъ, они надъ нимъ летѣли...
Не спорилъ онъ съ хозяйкою сварливой,
Не выходилъ изъ пасѣки своей —
И цѣлые часы въ ней проводилъ,
Въ полудремотѣ — глядя безмятежно
Въ прозрачный, знойный и душистый воздухъ,
А въ воздухѣ недвижно и не слышно,
Какъ сонные, какъ пьяные отъ жара —
Предъ нимъ висѣли пестрые жучки,
И комары, и огненныя мухи,
И съ трепетными крылышками пчелы.

Однажды поутру сердитая хозяйка
Изъ хаты кликнула своихъ дѣтей —
Двухъ дочерей, да маленькаго сына —
И такъ сказала имъ: «Ступайте, дочки,
«Тамъ, за курганомъ, надъ оврагомъ—роща,
«А въ рощѣ яблоки теперь поспѣли;
«Нарвите ихъ лукошко до обѣда,
«Да, кстати, ножъ возьмите, лыкъ нарѣжьте—
«И будетъ вамъ по лентѣ на сестру.»

Меньшая дочь обрадовалась, брата
Взяла къ себѣ на ручки и къ оврагу
Пошла, играя весело и звонко
Въ степи задумчиво-безмолвной распѣвая...

Но старшая, которую считали
Въ степи колдуньей, знахаркой могучей
И повелительницей змѣй пустынныхъ,
Которую особенно любила,
Лѣлеяла и баловала мать, —
Надулася сердито и лѣниво
Пошла къ кургану, не дошла до рощи,
Легла подъ камышомъ, на берегу
Ручья изсохшей балки и заснула...
И снится ей, что у сестры — въ косѣ
Красуются двѣ огненныя ленты,
А у нея виситъ на шеѣ лыко!...

Вотъ дочь меньшая рветъ-себѣ, да рветъ
Кислицы спѣлыя, цвѣты, да груши,
Кладетъ въ лукошко маленькому брату
И ходитъ отъ куста къ кусту, все пѣсни
Свои игриво распѣвая... Возлѣ
Нея и тѣнь ея живая ходитъ
И также будто рветъ кислицы... Тихо
Она вошла въ лѣсную глушь... Незримо
Ее пустыня рощи охватила...
И начала она пугаться! Молча,
Кругомъ ея столпилися ракиты;
Дрожали серебромъ нѣмыя ивы,
Качала груша сонной головой,
И черный дубъ — увитый желтымъ хмѣлемъ,
Въ развалинахъ вороньихъ гнѣздъ, громадный,

До половины высохшій, сѣдыми
И острыми вѣтвями изъ трущобы
Махалъ... Вдали, надъ яворомъ густымъ,
Аукнулась кукушка... Межъ травой
Пугливая скользнула мѣдяница,
И въ воздухъ плавно поднялся орелъ —
Надъ синей зеленью снуя кругами
И тихо исчезая въ знойномъ небѣ.

Вдругъ видитъ дѣвушка передъ собой
Сухое деревцо; но на вѣтвяхъ
Его висятъ такія наливныя
И золотыя яблоки, какихъ
Она еще во вѣки не видала!...

Забывши страхъ, она скорѣй съ лукошкомъ
Назадъ послала маленькаго брата,
Сама жь сломила палку, сшибла ею
Три яблока съ сухаго деревца,
И, радуясь невиданной находкѣ,
Едва-дыша отъ счастья, по другой
Дорогѣ, по кустамъ, черезъ оврагъ,
По берегу изсохшаго ручья —
Она къ отцу пустилась безъ оглядки.

На перепутьи къ дому, у кургана,
Увидѣла ее сестра другая,
Взглянула молча на ея находку —

И вся отъ зависти затрепетала...
«Постой, да и постой!» ей говоритъ
Она, лаская бѣдную малютку:
«Домой еще успѣешь ты вернуться,
«Лягъ — я тебѣ головку расчешу!...»
Малютка согласилась, на колѣни
Сестрѣ склонила голову свою
И, утомленная, заснула тутъ же...

Ехидно улыбнулася злодѣйка!...
Въ лицо сестры взглянула, долго-долго
Въ ея дыханье вслушивалась молча...
И вдругъ, схвативъ бѣдняжку, обвила
Ей шейку бѣлую змѣиной кожей,
Змѣиной ядовитою рубашкой...
Малютка, какъ спала, такъ и осталась,
Мгновенно духъ ея покинулъ землю...
Сестра жь ея опомнилась, въ камышъ
Нѣмое тѣло спрятала, и тихо
Вернулася домой съ чужой находкой...

«А гдѣ жъ твоя сестра, ты съ ней ходила,
«Скажи, куда дѣвалась дочка наша?»
Но на вопросъ отца одинъ отвѣтъ,
Одни слова звучали безпощадно:
«Почемъ мнѣ знать, я нянькой не была ей,
«И каждый шагъ ея я не слѣдила!
«Подите и ищите вашу дочку...»

Искали всѣ ее — но не сыскали.
И сталъ грустить казакъ и тщетно дочь
Любимую изъ лѣса поджидать.
Жена жъ молчала, съ жалостью косилась
На дочку старшую, а дочь худѣла
И все мрачнѣй, да злѣе становилась.

Прошли года — забыли о малюткѣ,
Забыли о ея веселыхъ пѣсняхъ...
И съ-горя сталъ козакъ опять лѣниться,
Курить табакъ, стрѣлять по дикимъ уткамъ,
И цѣлые часы лежать межъ ульевъ,
Въ полудремотѣ, глядя безмятежно
Въ прозрачный, знойный и душистый воздухъ,
А въ воздухѣ, недвижно и неслышно,
Какъ сонные, какъ пьяные отъ жара,
Предъ нимъ висѣли пестрые жучки,
И комары, и огненныя мухи,
И съ трепетными крылышками пчелы...
Молчала вся таинственная степь.

—

Вотъ выросъ сынъ сѣдаго казака,
А тѣло дочери меньшой покрылось
Землей, пескомъ и пылью бурныхъ вихрей,
Которые кочуютъ по полямъ, —
Какъ казаки, спокойно и спѣсиво,
То припадая надъ травой, какъ-будто

Завидѣвъ недруга, то по курганамъ
На стражѣ стоя черными столбами.

Надъ свѣжею, зеленою могилкой
Схороненной малютки, выросъ стволъ
Степнаго камыша, завялъ подъ осень,
Зимой изсохъ и пожелтѣлъ, и къ лѣту
Уже звенѣлъ при шумѣ вѣтерка,
Звенѣлъ и музыкой печальной — весь,
По жилкѣ каждой — тихо наполнялся...

Услышалъ эти пѣсни рѣзвый сынъ
Сѣдаго пасѣчника, зрѣзалъ стволъ,
Очистилъ отъ травы и хрупкихъ листьевъ,
Надѣлалъ въ немъ отверстій и принесъ
Домой, а той порою чумаки
Изъ Крыма съ солью проѣзжали мимо
И на ночлегъ у хаты казака
Остановилися гурьбой веселой...

Усталый таборъ шумно обложилъ
Степную хату.—Пыльные возы
Кругомъ ея оградою столпились.
Тяжелые волы, склонивъ рога
И поводя ушами, тихо жвачку
Жевали, погружаяся въ дремоту.
А чумаки столпились у костра,
Разсѣлись на полянѣ и, пока

Дымился и кипѣлъ ихъ сочный ужинъ,
Пошли разсказывать другъ другу сказки...
Бесѣда ихъ за ужиномъ тянулась,
Тянулася и послѣ. Чумаки,
Забывшись, все сидѣли, да болтали
И нехотя свои курили трубки...

Вдругъ раздался межъ ними странный шумъ,
И чутко все приподнялось на мѣстѣ:
Тревожно стали вслушиваться всѣ
Въ какіе-то таинственные звуки...
Старикъ-казакъ поникнулъ головой,
Жена его и дочка поблѣднѣли,
У сына слезы брызнули изъ глазъ
И по щекамъ его, какъ дождь по листьямъ,
Закапали и быстро покатились...
И смолкло все!.. И только въ темнотѣ
Одно и слышалось.— Чумакъ съ свирѣлью,
Обмѣнянной у сына казака,
Сидѣлъ на опрокинутомъ корытѣ,
Держалъ у губъ своихъ свирѣль—и та,
Какъ оживленная, печально-тихо
И голосомъ младенца напѣвала:
«Не играй такъ больно, не играй!
«Не щеми мнѣ сердца, не терзай!..
«Я жила—сестра меня сгубила,
«Въ тростникѣ колючемъ схоронила...
«Я за яблочко погублена сестрой,

«И никто не плакалъ надо мной.»
Переглянулись всѣ — отъ изумленья
Не смѣя слова молвить!.. Вотъ казакъ
Беретъ свирѣль, и та ему поетъ,
Поетъ напѣвомъ, полнымъ слезъ горючихъ:
«Не играй, отецъ мой, не играй—
«Не щеми мнѣ сердца, не терзай!
«Я жила, сестра меня сгубила,
«Въ тростникѣ колючемъ схоронила!..
«Я за яблочко погублена сестрой —
«И никто не плакалъ надо мной!»
Наконецъ народъ зоветъ злодѣйку!..
Всѣ молчатъ... Она дрожитъ, блѣднѣетъ...
И свирѣль звучитъ въ ея рукахъ:
«Не играй, сестрица, не играй —
«Не щеми мнѣ сердца, не терзай!
«Я жила, меня ты погубила,
«Въ тростникѣ колючемъ схоронила...
«Я за яблочко погублена тобой,
«И никто не плакалъ надо мной!..

—

Вотъ заблистала ранняя заря...
Волшебницу выводятъ на поляну,
А съ ней выводятъ на уздѣ желѣзной
И дикаго, привольнаго коня...
Онъ чумаками три-дни только пойманъ!
Его стопы свободны отъ подковъ...

Онъ дышетъ тяжело и весь трепещетъ!
Жестка его всклокоченная грива
И горделива поступь легкихъ ногъ!
Глаза его повязкою закрыты...

Вотъ близь коня поставили злодѣйку,
Веревкой, за спиною бѣлой, руки
Стянули ей и ко хвосту коня
Ремнями прикрутили... Самъ отецъ
Повязку на глаза ея накинулъ,
А взоръ коня освободилъ, всей силой
Стегнулъ его тяжелою нагайкой —
И такъ потомъ оставилъ на просторѣ.
Конь оглянулся дико и — ни съ мѣста!
Вотъ вздрогнулъ онъ, и тяжело и шумно
Холодный воздухъ грудью потянулъ!...
Щетиной поднялась густая грива!
Закинулъ онъ назадъ косыя уши
И вдругъ взвился, мотая головой!..
И вдругъ скачокъ... еще скачокъ... и быстро
Рванулся онъ изъ круга чумаковъ!

Помчался онъ, бичуемый испугомъ,
Разсвирѣпѣвъ, и фыркая, и злобно
Ногами воздухъ сонный разсѣкая...
Помчался онъ въ родимыя пустыни,
И скрылся въ синевѣ равнинъ туманныхъ,
За рощей у высокаго кургана,

Въ глуши полей, бѣлѣющихъ ковылью...
И гдѣ лихая дочка головою
Ударилась, тамъ выросъ дикій тернъ:
Гдѣ русою ударилась косою,
Тамъ выросла крапива да бурьянъ;
А гдѣ рукой ударилась преступной,
Тамъ выросли все чорныя могилы!
Ушелъ народъ, а съ нимъ ушелъ и старый
Казакъ, неся съ собой на плечахъ сына,
И на холмѣ покинутой землянки
Осталася одна старуха мать...
Она къ глазамъ приставила сухую,
Морщинистую руку, устремила
Печальный взоръ въ таинственную даль,
Во слѣдъ за дочкой, дочкою любимой,
И такъ стояла дни, стояла ночи,
Все поджидая дочки ненаглядной,
И наконецъ отъ грусти обратилась
Въ зеленую, раскидистую тополь
Надъ вѣтхою, покинутой землянкой! (1).

II.

КРЫМСКІЙ-ПЛѢННИКЪ.

Жилъ былъ себѣ казакъ Вакула-Цапля,
А по прозванію — Налѣво-Хатка.
Былъ добрый онъ, былъ смирный, былъ не-
пьющій,
Былъ знающій и ласковый казакъ.
Умѣлъ колеса дѣлать, чашки, грабли,
Кнуты, ножи, боченки, веретена,
Ходилъ въ сорочкахъ чистыхъ, умывался,
Ходилъ въ кунтушѣ бѣломъ, въ черной шапкѣ,
Въ уму непостижимыхъ шараварахъ
И въ желтомъ кушакѣ; тянулъ махорку,
Брилъ бороду и голову чесалъ!
Одна бѣда—попался онъ къ Татарамъ!

Въ Крыму — раздолье плѣннымъ бѣднякамъ,
Въ Крыму — житье степной, казацкой лѣни.
Валятся въ ротъ орѣхи и каштаны,
Валятся въ ротъ душистыя оливки...
Безъ просыпу лежишь-себѣ подъ вишней!
Лежишь — и все лежитъ, и спитъ, и млѣетъ!
И голова лежитъ, и обѣ руки

Раскинулись привольно и лежатъ...
Лежатъ и ноги, и кунтушъ, и поясъ,
И шапка, и усы, и чубъ, и трубка —
И весь лежишь, какъ-будто не живой!
А тамъ, вверху, сквозь сѣтчатую листву,
Синѣетъ и дрожитъ нагое небо
И тянутся бороздкой журавли,
Звеня въ волнахъ сверкающей лазури...
А здѣсь, внизу, въ душистой, свѣжей травкѣ,
Жужжитъ подъ ухомъ пѣсня комара...
И самъ не знаешь, что такое слушать,
И на какое ухо положиться?
Подумаешь немножко, погадаешь,
И кончишь тѣмъ, что цѣлый день проспишь!

Казакъ Вакула не жилъ въ подземельи,
Цѣпей и притѣсненій онъ не зналъ...
Весь трудъ его по кухнѣ состоялъ:
Онъ долженъ былъ заботиться душевно,
Чтобы всего Татарамъ было вдоволь
Наварено, напечено, набито,
Наложено и налито къ обѣду.
Вакула былъ, какъ сказано, услужливъ,
И потому работу исполнялъ.

Но вотъ въ чемъ горе: лютые Татары
Ему, подъ страхомъ смерти, заказали —
Не пробовать того, что онъ варилъ,

На что свое художество онъ тратилъ!
Татары все давали батраку:
Онъ кушалъ борщъ, вареники, галушки,
Онъ въ ихъ садахъ роскошныхъ прохлаж-
дался...
И никогда ни въ чемъ онъ не нуждался
И былъ въ Крыму привольнымъ казакомъ!

—

Взяла тоска Вакулу за́ работой.
Онъ надъ огнемъ однажды думалъ, думалъ,
Кусалъ усы, чихалъ, вздыхалъ, крѣпился,
И, наконецъ, хлѣбнулъ изъ чугуна...

Уха — какъ всякая уха! Душиста,
Вкусна, нѣжна и въ жирныхъ поплавкахъ,
Какъ-будто вся въ играющихъ червонцахъ!..
Вакулѣ отъ ухи не стало легче.
Но вотъ беретъ онъ свой топоръ, беретъ
И за дровами въ темный лѣсъ идетъ.

Лѣсъ также, какъ и всякій лѣсъ... Чинары
Стоятъ, качая тихо головами...
Широкій листъ ихъ сѣтчатыя тѣни
Раскинулъ по долинѣ золотистой.
На маковкѣ игольчатой сосны
Грызетъ орѣхъ коричневая бѣлка.
Въ глухой оврагъ на кучу сѣрыхъ листьевъ

Спустились два лиловыхъ голубка,
Легли на солнышко, подъ крылья сладко
Запрятали головки и лежатъ...
А тамъ, въ глуши столѣтнихъ, мшистыхъ вя-
зовъ,
Кричитъ орелъ, и воробей-трусишка
Изъ-подъ кустовъ несется самъ не свой,
Дрожитъ, дыханье въ силу переводитъ
И безъ зазрѣнья совѣсти ползетъ
Въ дупло, подъ сѣнь развѣсистой ракиты...

Прохлада, мгла, дыханье благовоній,
Нѣмая глушь и свѣжій бархатъ мховъ —
Все это, какъ вездѣ, все это просто...
Но вотъ что диво: какъ взглянулъ Вакула,
А старыя деревья и кусты
Всѣ полегли отъ жалости и горя...
Что воды полыя, тоска и грусть
Ихъ поняла — и говорятъ деревья:
«Плохая жизнь безъ головы плечамъ,
«Плохая жизнь и головѣ безъ плечъ!
«Но хуже нѣтъ несчастія, какъ намъ —
«Отъ старости живыми въ землю лечь!
«Казакъ, казакъ! Бери топоръ скорѣй...
«Руби насъ и коли, руби и не жалѣй.»
А возлѣ нихъ деревья молодыя
И стройные, зеленые кусты,
Въ отвѣтъ имъ, точно люди, слово молвятъ:

«Казакъ! не тронь насъ, мы еще такъ малы!
«Намъ хочется на волюшкѣ пожить...
«Намъ любо жить, намъ любы эти скалы
«И этотъ лѣсъ собою веселить.»
Пожалъ казакъ плечами, усмѣхнулся,
И нарубилъ кривыхъ и старыхъ дровъ.

—

Вотъ онъ домой приходитъ, набралъ сѣна
И съ нимъ идетъ въ хозяйскую конюшню!
Тяжелый паръ его остановилъ.
Удушливый, сырой и спертый воздухъ
Висѣлъ свинцомъ надъ стойлами коней!
Нѣмые плѣнники едва дышали
И жалобно водили головами...
Затрепетало сердце казака!
Онъ вспомнилъ степь, онъ вспомнилъ мирный
Сѣверъ,
Онъ поглядѣлъ на небо — и заплакалъ,
И распахнулъ безжалостную дверь...
Какъ человѣкъ, худая лошаденка
Взглянула на него, дрожа всѣмъ тѣломъ,
Тревожно дунула ему въ лицо,
Тревожно головою замахала
И обронила слово золотое —
Такое слово—съ горькими слезами:
«Землякъ, землякъ! и я степная птица,
«И для меня чужая даль — темница...

«Освободи жъ меня, освободи,
«Въ далекій путь на волю выводи!
«Не тяжко такъ и рыбѣ на безводьѣ,
«Какъ тяжко сиротинкѣ на безродьѣ...
«Бери жъ сѣдло, гони меня стрѣлой,
«Мы улетимъ въ родную степь съ тобой.»
Заговорило сердце казака...
Онъ вспыхнулъ весь, оправилъ гордо поясъ,
Черезъ плечо отважно покосился,
Отважно, грозно вышелъ изъ дверей,
И скоро въ чистомъ полѣ очутился,
Чтобъ разыскать завѣтный путь степей.

—

Межъ-тѣмъ луна взошла надъ Чатырдагомъ.
Вдоль желтыхъ скалъ ползутъ лоскутья тучъ;
Въ прозрачной синевѣ, сквозь рядъ деревьевъ,
На высотѣ чуть видимыхъ утесовъ,
Играетъ море перекатныхъ звѣздъ...
А въ глубинѣ затихнувшей долины,
Надъ плоской кровлей одинокой сакли,
Взвился дымокъ, и легкой полосой,
Какъ стройная, задумчивая тополь,
Все выше тянется, не шелохнетъ
Своей, какъ воздухъ, голубою лентой—
И съ воздухомъ сливается незримо...

Взглянулъ казакъ на небо, потянулся,

Подумалъ: лучше завтра на зарѣ
Бѣжать—оно и силы больше будетъ
И головы въ потьмахъ не разобьешь!..
Зѣвнулъ, надвинулъ шапку, почесался,
Полѣзъ за голенище сапога,
Досталъ оттуда трубку и табакъ,
Досталъ кремень, истертое огниво,
Прилежно, не спѣша, набилъ махоркой
Коротенькую трубку, придавилъ
Надъ нею трутъ концомъ большаго пальца,
Прилегъ къ землѣ усталой головой —
И сталъ курить, курить и наслаждаться,
И сталъ дремать въ прохладной тишинѣ...

Вдругъ, смотритъ онъ, безчисленныя травы
Качаются на тонкихъ стебелькахъ,
Поводятъ желтыми и голубыми,
Зелеными и алыми цвѣтками,
Поводятъ тихо крохотной головкой
И длинными, и круглыми листками...
Какъ пчелы, шепчутся и шелестятъ,
Какъ пчелы сонныя, звенятъ и нѣжно
Плетутъ узоры пѣсни безконечной...
И музыка таинственное поле
Воздушными волнами наполняетъ!

И кланяются травы казаку,
И слушаетъ ихъ рѣчи казачина.

Очи́токъ говоритъ; я отъ запоя!
Полынь кричитъ: а я отъ лихорадки!
Колючка увѣряетъ, будто ей
Давно извѣстно, какъ лечить мозоли.
Пере́ступень кричитъ: я отъ надрыва!
Ивня́къ кричитъ: я отъ ужей и змѣй!
Будякъ—отъ ранъ, исоппъ—отъ зуда въ горлѣ,
Шалфей—отъ кашля, пи́вникъ—отъ зубовъ,
Иванъ-да-Марья—отъ любви несчастной,
А деревéй—отъ боли въ поясницѣ!..
И всѣхъ ихъ голосъ па́пороти мелкой
Надменно покрываетъ: кто меня
Сорветъ, тому всѣ клады станутъ видны
И подъ водой, и въ рѣ́кахъ и въ лѣсахъ!
Нѣтъ! кто меня сорветъ, петровъ-батогъ
Кричитъ: того безсонница замучитъ
И не заснетъ онъ надъ своей работой...
«А я, звенитъ малютка сонъ-трава:
Я больше всѣхъ васъ, тетушки и дяди,
Доставлю счастья: «кто меня сорветъ—
«Тотъ сладко и невидимо уснетъ,
«Надъ всякою работою, надъ сказкой,
«Надъ долотомъ, надъ прялкой, надъ указкой,
«Надъ книжицами—словомъ, надъ такимъ,
«Что мы со сномъ одни лишь побѣдимъ!»

Заслушался рѣчей такихъ Вакула,
Заслушался и опьянѣлъ, и сталъ

Ему въ травѣ являться человѣчки,
Которые не больше стрекозы
И ходятъ всѣ въ зеленомъ — и въ рубашкѣ
Зеленой, и въ зеленыхъ шараварахъ,
И въ смазанныхъ, зеленыхъ сапогахъ.
Онъ безъ движенія лежалъ и слушалъ
Разсказы гармоническіе травъ...
Онъ безъ движенія лежалъ и, молча,
Глядѣлъ въ толпы зеленыхъ человѣчковъ...
Глядѣлъ, курилъ, курилъ и наслаждался —
А рой годовъ надъ нимъ незримо мчался,
И зарастать казакъ травою сталъ...
И такъ сто лѣтъ онъ ровно пролежалъ.

Сто лѣтъ! — Онъ легъ подъ тонкимъ стебелькомъ,
А всталъ подъ необъятною черешней,
Подъ деревомъ развѣсистымъ и темнымъ.
Онъ легъ кудрявымъ, бодрымъ казакомъ,
А всталъ сѣдымъ, беззубымъ старичишкой,
Съ горбомъ и съ пол-аршинной бородой...
Онъ легъ въ сорочкѣ чистой, полотняной,
Онъ легъ въ кунтушѣ бѣломъ, въ черной шапкѣ,
Въ уму непостижимыхъ шараварахъ
И въ желтомъ кушакѣ — а всталъ въ лохмотьяхъ,
Всталъ неумытымъ, дряхлымъ старикомъ...
И только недокуренная трубка —
Еще торчала межъ его усовъ... (2)

III.

ИВАШКО.

— «Злому злой конецъ!» —
Жуковскій.

Жилъ былъ себѣ когда-то дѣдъ да баба,
У нихъ была всего одна отрада:
Прижили старцы въ старости своей
Сынка Ивана, чиномъ не султана,
А ремесломъ на свѣтѣ рыбака.
Прижили сына, справили ему
Весло и челнъ, и стали каждымъ утромъ
Его пускать на озеро за рыбой,
За рыбою въ Курбатовскую глушь...

Вотъ, отплыветъ отъ берега Ивашко,
Закинетъ удочку, молчитъ и ждетъ,
Молчитъ и ждетъ, покамѣстъ рыбка клюнетъ;
А въ озерѣ подъ нимъ, перевернувшись,
Другой челнокъ, качаяся плыветъ,
На челнокѣ сидитъ другой Ивашко,
На немъ, что пѣна, бѣлая рубашка
И травяной съ цвѣточками кушакъ;
И темныя черешни, и чинары,
И островокъ, обрамленный сиренью,

Съ высокою, раскидистою липой,
И, въ камышахъ, косые берега —
Все опрокинулось въ живыя струи,
И зыблется глядящій въ волны міръ,
Какъ полотно разостланной картины...
Благоухаетъ пасмурная глушь!
Какъ въ воздухѣ, на днѣ прозрачной влаги,
И ласточки и жаворонки рѣютъ;
Какъ въ воздухѣ, отъ берега на берегъ,
Летитъ по дну тяжелая ворона
И мѣрно машетъ пепельнымъ крыломъ...
А по волнамъ, по камышамъ и скаламъ,
Младенцы некрещенные, покинувъ
Свои могилки въ вѣнчикахъ грибовъ,
Подъ тканями пушистой паутины,
Въ ячейкахъ травъ и въ клѣточкахъ коры,
На лепесткахъ горошка и глубники,
На усикахъ душистой павилики,
И въ капелькахъ сверкающей росы —
Копошатся, по воздуху летаютъ
И синимъ клубомъ катятся по пнямъ...
Одинъ запрегъ въ орѣшекъ гусеницу,
Надѣлъ на кудри крохотный тюльпанъ,
И, завернувшись въ листикъ гіацинта,
Черезъ бревно косматое ползетъ
И погоняетъ лошадь паутинкой...
Другой на грибъ гнилой и скользкій взлѣзъ,
Дудитъ въ лопушникъ, свернутый трубою,

И машетъ бѣлокурою головкой,
И раздуваетъ розовыя щечки,
И пляшутъ вкругъ него жучки, сверчки,
И муравьи, и листья, и былинки...
А третій сѣлъ на озеро, въ стручекъ,
Воткнулъ въ него серебряную травку,
Продѣлъ въ конецъ ея кисейный парусъ
Изъ крылышка лиловой стрекозы,
Пустилъ корабль по вѣтру и плыветъ,
Въ зеленомъ панцырѣ іюньской мушки,
И манитъ ручкой крохотныхъ друзей...
А тѣ, какъ пчелы шумныя, какъ осы,
Развѣлились по нитямъ павиликъ,
Разсѣлися по листьямъ липъ и вязовъ,
И весело лепечутъ и стрекочутъ,
И, по вѣтвямъ карабкаясь, хохочутъ...
И говоритъ вокругъ Ивашки лѣсъ,
И льется зной съ таинственныхъ небесъ...

—

Разъ, чуть ли не подъ Спаса было,
На озеро пришла къ Ивашкѣ мать
И такъ запѣла жалобно и тихо:
«Мой сыночку, мой Ивашечко,
«Оберни на берегъ челнъ!
«Рыбка, сердце, зорька, пташечка,
«Выплывай изъ синихъ волнъ!
Я съ слободушки пришла,

Тебѣ ѣсть принесла.»
Услышалъ голосъ матери Ивашко,
И такъ въ отвѣтъ на ласковую рѣчь
Запѣлъ, весломъ узорчатымъ махая:
«Плыви, плыви, челночекъ,
«Выплывай на бережокъ...
«Плыви, матушка пришла,
«Мнѣ обѣдать принесла.»
Покинулъ челнъ Ивашко, сѣлъ на берегъ,
Съѣлъ пирожекъ съ душистою сытой,
Запилъ его студеною водой,
И вновь поплылъ на озеро за рыбой,
А той порой въ кустахъ сидѣла вѣдьма,
(Змѣей Явдохой людоѣдку звали),
Подслушала старушкины слова,
И на другое жъ утро, притаившись
Въ травѣ, запѣла жалобно и тихо:
«Мой сыночку, мой Ивашечко,
«Оберни на берегъ челнъ...
«Рыбка, сердце, зорька, пташечка,
«Выплывай изъ синихъ волнъ!
«Я съ слободушки пришла,
«Тебѣ ѣсть принесла.»
Ивашко ни гу-гу. Узналъ онъ хитрость
И закричалъ: а что, змѣя Явдоха,
Не изъ Вралевки ты, что близъ села
Лгуновичей?.. И такъ запѣлъ, махая
Надъ озеромъ узорчатымъ весломъ:

«Дальше, дальше, челночокъ,
«Не плыви на бережокъ...
«То не матушка поетъ,
«То змѣя меня зоветъ.«
Взбѣсилася и расходилась вѣдьма
И къ кузнецу въ слободку прибѣжала.
«Кузнецъ, кузнецъ, скорѣе скуй мнѣ голосъ,
«Да скуй мнѣ голосъ нѣжный, не простой,
«Такой, какой у матери Ивашки!..»
Раздулъ кузнецъ огонь, досталъ клещи,
Вложилъ ихъ въ печь и до бѣла нагрѣлъ,
И ухватилъ клещами горло вѣдьми;
На наковальню горло уложилъ,
И сталъ ковать его желѣзной довбней,
И началъ такъ причитывать надъ нимъ:
«Куйся, куйся, голосокъ,
«Тонокъ стань, какъ волосокъ,
«Нѣженъ стань ты голосокъ,
«Какъ звонокъ, какъ вѣтерокъ...»
Вернулась вѣдьма въ лѣсъ, запѣла сладко,
Запѣла нѣжно, жалобно и тихо,
Въ глухой оврагъ Ивашку заманила,
Его въ мѣшокъ съ грибами уложила
И принесла домой, и такъ своей
Горбатой дочкѣ строго заказала:
«Смотри, Алёнка, протопи мнѣ печь,
«Да протопи пожарче, баловница!
«Умой, напой и накорми Ивашку,

«Одѣнь его въ пунцовую рубашку,
«Подпояши, и въ печку посади,
«И на обѣдъ его зажарь съ капустой,
«Съ опёнками, и съ перцемъ, и съ лучкомъ,
«А я пойду провѣдаю, здоровъ ли
«Нашъ куманекъ, вербовскій сатана.»
Сходила за водой Алёнка, руки
Румяныя по локоть засучила,
Подпоясала плахту ручникомъ,
Надѣла бѣлый, чистенькій очипокъ,
Засуетилась около макитры,
Засуетилась около ножей,
И около горшковъ и макогона,
Нагрѣла печь, на припечекъ, къ плитѣ,
Наставила широкую лопату
И говоритъ: «Ну, доню, полѣзай,
«Да погляди, какъ вытоплена печка!..»

—

Хитрецъ молчитъ, прикинулся какъ будто
Ехидныхъ словъ совсѣмъ не понимаетъ
И голову одну просунулъ въ печь.
«Не такъ, Ивашко!» Онъ просунулъ руку.
«Не такъ!» Онъ ногу въ печку протянулъ.
«Не такъ!» Онъ въ печь другую ногу вдвинулъ.
«Не такъ, не такъ!»—«Такъ какъ же? Я не знаю!

«Ты покажи сама мнѣ напередъ,
«А за тобой ужъ я не ошибуся...»
Алёнка съ сердцемъ прыгнула въ огонь,
А молодецъ приперъ ее заслонкой
И выбѣжалъ невидимо изъ хаты
И на осину темную залѣзъ.

Вотъ, погодя, наѣвшися Алёнкой,
Приходитъ вѣдьма, дочь свою браня,
За то, что та стола ей не накрыла,
И начинаетъ на холмѣ высокомъ,
Насытившись, барахтаться по травкѣ
И охать, и зѣвать, на солнцѣ грѣясь,
И припѣвать, кувыркаясь съ холма:
    «Покачуся, повалюсь,
    «Закусивъ мясцомъ Ивашки!»
Ивашко слышитъ рѣчи людоѣдки
И такъ за ней съ осины говоритъ:
    «Покатися, повались,
    «Закусивъ мясцомъ Алёнки!»
Чтобъ это было? Разсуждаетъ вѣдьма
И говоритъ, кувыркаясь съ холма:
    «Покачуся, повалюсь,
    «Закусивъ мясцомъ Ивашки!»
А мальчикъ вслѣдъ за нею повторяетъ,
Раздвинувши серебряные листья:
    «Покатися, повались,
    «Закусивъ мясцомъ Алёнки!»

«А, это ты!» завыла злая вѣдьма,
Уставя взоръ змѣиный на Ивашку,
И бросилась къ нему, и ухватила
Когтистыми руками толстый пень,
И стала рвать съ него кору и вѣтви,
И стала пень, какъ трость, перегрызать.

—

Грызетъ она, грызетъ, а хлопецъ видитъ
Въ поднебесьи гусей, дрожитъ отъ страха
И къ нимъ сквозь вѣтви темныя поетъ,
И странниковъ воздушныхъ онъ зоветъ:
«Гуси-гуси, лебедята,
«Дайте мнѣ свои крылята!
«Мчите вы меня скорѣй
«Прямо къ матушкѣ моей!
«Тамъ мы будемъ въ волѣ жить,
«Сытно ѣсть и сытно пить.»
Но сѣрыя лебедушки и гуси
Надъ головой Ивашки пролетаютъ
И говорятъ съ лазурной высоты:
«Пускай тебя возьмутъ другіе гуси!»

Заплакалъ хлопецъ, горестно заплакалъ,
Готовясь пасть съ подточеннаго пня,
Но вѣдьма зубъ о пень переломила
И къ кузнецу въ слободку побѣжала:
«Кузнецъ, кузнецъ, скорѣе скуй мнѣ зубъ,

«Да скуй его изъ чистаго желѣза!»
Беретъ опять кузнецъ свои клещи,
Кладетъ ихъ въ печь и жарко раскаляетъ,
И щеки вѣдьмы ухвативъ клещами,
Веревками прикручиваетъ ихъ
Къ желѣзному столбу и тяжкой довбней
Куетъ желѣзный зубъ, и снова въ лѣсъ
Ликующую вѣдьму отпускаетъ.
Бѣжитъ опять къ Ивашкѣ людоѣдка.
А хлопецъ той порою перелѣзъ
На новую осину; злая вѣдьма
Впивается всей силой въ новый пень,
И крѣпкій пень качается и гнется,
И подъ клыкомъ желѣзнымъ тяжко стонетъ.

Опять надъ хлопцемъ пролетаютъ гуси,
И снова хлопецъ жалобно поетъ
И странниковъ воздушныхъ онъ зоветъ:
«Гуси, гуси, лебедята,
«Дайте мнѣ свои крылята!..
«Мчите вы меня скорѣй
«Прямо къ матушкѣ моей!..
«Тамъ мы будемъ въ волѣ жить,
«Сытно ѣсть и сытно пить!»
Но сѣрыя лебедушки и гуси
Летятъ надъ головою горемыки
И говорятъ съ лазурной высоты:
«Пускай тебя возьмутъ другіе гуси!»

— Прощай же, степь раздольная, прощайте,
Курганы, лѣсъ и казаки-орлы!
Прощай и ты, моя родная хатка,
Прощай и ты, мой ненаглядный челнъ!..
Такъ зарыдалъ Ивашко, колыхаясь
На деревѣ и съ деревомъ къ землѣ,
Какъ лань, стрѣлой пронзенная, склоняясь,
И, словно волкъ, передъ Ивашкой вѣдьма
Отъ радости оскалила клыки,
На головѣ сталъ дыбомъ рыжій волосъ,
Багровой кровью налились глаза,
И, заплетя лягушечія лапы
Вокругъ вѣтвей подточеннаго пня,
Она всей силой потянула пень
И обломила хрупкую осину...
Но не упалъ Ивашко горемычный!
Послѣдній гусь, забитый, старый гусь,
Запачканный, сухой и косолапый,
Послѣдній гусь изъ всей гусиной стаи
Услышалъ пѣсню хлопца въ небесахъ,
Услышалъ пѣсню, сжалился надъ нимъ,
И подхватилъ его къ себѣ на крылья,
И поднялся съ Ивашкой къ облакамъ!..

—

Какъ легкій вихорь, по странамъ воздушнымъ,
Надъ пышными разливами степей,
Минуя цѣпи облачныхъ кургановъ,

Стрѣлой летитъ Ивашко въ небесахъ,
И Божій міръ подъ нимъ горитъ и блещетъ—
Зелеными полотнами луговъ,
И алыми, какъ плахты черноокихъ
Казачекъ, огородами тюльпановъ,
Піоновъ, мака, крокоса и розъ,
И бѣлыми стадами селъ казачьихъ,
И скирдами пшеницы молодой,
Какъ кучами разбросанныхъ червонцевъ,
И яхонтомъ синѣющихъ озеръ,
И лентою серебрянаго Дона,
Бѣгущаго по персямъ золотой
Украины, какъ по груди невѣсты
Развитая душистая коса
Бѣжитъ, цалуя наливныя перси
И, словно змѣй, по нимъ перегибаясь
И, словно шелкъ, по нимъ переплетаясь...
А той порой, какъ по степямъ лазурнымъ
Летитъ стрѣлой Ивашко,—на землѣ
Отъ ярости грызетъ каменья вѣдьма!

—

Вотъ началъ хлопецъ тихо исчезать
Въ лиловыхъ тучкахъ, вотъ онъ сталъ не- больше
Косаточки, вотъ сталъ онъ съ комара,
Вотъ онъ исчезъ совсѣмъ, и зарычала,
Какъ ярый звѣрь, озлобленная вѣдьма

И обратилась въ чернаго орла...
Ну чуть она за мальчикомъ въ погоню
Метнулася, раскинувъ гордо крылья
И лапами взрывая грудь земли,
Косматыя, губительныя лапы,
Вонзившись въ землю, обратились въ стволъ,
Изъ подъ когтей посыпались коренья
И, какъ кроты, полѣзли подъ землей...
Въ раскидистыя вѣтви обратились
Два черныя, два грозныя крыла...
Зазеленѣла дикая осина,
Затрепетала листвою печальной,
И, вмѣсто крови пламенной, орлиной,
Въ груди ея застылъ древесный сокъ;
И, вмѣсто клюва гордаго и вмѣсто,
Какъ молнія, живыхъ и быстрыхъ глазъ,
По согнутой осинѣ протянулась
Убогая и тощая кора,
И такъ осталась бѣдная осина
На вѣчные вѣка стоять недвижно,
Глядѣть на ширь таинственныхъ степей,
Глядѣть на даль блистательнаго неба,
И горевать безсонно, молчаливо,
И въ тишинѣ пустынной трепетать...
А вслѣдъ за тѣмъ и хата людоѣдки,
Сараи, дворъ, загоны и гумно,
Что только было на землѣ, и овцы,
И лошади, и птицы, и волы,

Все въ мрачное болото обратилось,
Въ подземныя пространства погрузилось,
И въ наши дни, поутру, на зарѣ,
Въ спокойную и ясную погоду,
Когда къ травѣ приляжешь ухомъ, слышно,
Какъ подъ землей звучитъ пастушій рогъ,
Кудахчатъ куры, каркаютъ грачи,
Кричатъ перепѣла, скворцы и утки,
И на току звучитъ тяжелый цѣпъ...

—

Настала ночь.— Ивашко опустился
Въ свои мѣста, въ родимое село,
И съ гусемъ сѣлъ на крышѣ бѣдной хатки.
Вотъ слышетъ онъ, внизу подъ нимъ, въ свѣт-
лицѣ,
Вечеряютъ его отецъ и мать,
И старая Оксана съ мужемъ дѣлитъ
Пшеничные съ сытою пирожки:
«Вотъ это вамъ, Демко, а это мнѣ!»
— А мнѣ? пищитъ изъ за трубы Ивашко.
«Чтобъ это было?» думаетъ Оксана,
И крестится, и снова говоритъ,
Дѣля съ супругомъ шулики и пўтрю,
И жирное молозиво, и медъ:
«Вотъ это вамъ, Демко, а это мнѣ!»
— А мнѣ? пищитъ опять лукавый хлопецъ.
И поднялись изъ за вечéри старцы,

И плакали, и горестно вздыхали,
Увидѣвши невиданное диво —
И сняли съ крыши гуся и Ивашку,
И сталъ Ивашко съ гусемъ знатно жить,
И, припѣвая, сытно ѣсть и пить. (3).

IV.

СОНЪ ВЪ МАЙСКУЮ НОЧЬ.

— „Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее! Съ середины неба глядитъ мѣсяцъ... Чудный воздухъ и прохладно-душенъ и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій! Божественная ночь, очаровательная ночь!.. А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно! А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебрянныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ!.. Божественная ночь! очаровательная ночь!„ —

Гоголь.

Три брата, и они же три Кондрата,
Задумали поѣхать въ степь когда-то,
Поѣхать въ степь задумали затѣмъ,
Чтобъ надъ рѣкой, надъ быстрой Балаклейкой,
Засѣять лугъ арбузною бакшой.
Поѣхали, всего набрали вдоволь,
Пшена, яицъ, сметаны, пироговъ,
Капусты, масла, творогу и сердце —

Бѣснующихъ напитковъ многихъ, какъ-то:
Горѣлки, пива, браги и водянокъ,
Сказать, всего, что намъ бываетъ нужно,
Когда хотимъ засѣять мы бакшу,
И что всегда творится въ Божьемъ мірѣ,
Чтобъ съ голоду не умеръ человѣкъ.

Поѣхали за дѣломъ казаки,
А запаслись еще и тѣмъ, что мысли
Въ минуты слезъ и скуки услаждаетъ.
Одинъ Кондратъ взялъ трубку и кремень,
Другой Кондратъ взялъ связку табаку,
А третій и задумалъ взять огниво,
Да какъ-то въ торопяхъ про то забылъ...
Вспахали казаки лужокъ до ночи,
Засѣяли арбузами бакшу,
Сметаною и саломъ закусили,
Хлѣбнули разъ-другой по чаркѣ водки,
И вздумали за этимъ покурить...
Туда-сюда, табакъ и трубка есть,
А вырубить огня для трубки нéчѣмъ!
Вотъ третьему Кондрату два Кондрата
И говорятъ: «А что же, ваша милость,
«Вы вѣрно позабыли взять кресало?
«Вонъ, подъ горой, бакшевникъ Пришибской,
«Подите, попросите огоньку.»
На ласковое слово не откажешь...

Встаетъ Кондратъ, приходитъ къ куреню

И видитъ: на бревнѣ сидитъ старикъ,
Худой, сѣдой, усатый и чубатый,
Суровый, злой, нечесанный, горбатый,
Оборванный и длинный, какъ верста,
Въ бараньей, сѣрой шапкѣ, въ черной свиткѣ
И въ травяныхъ, зеленыхъ черевикахъ.
Сидитъ старикъ, насупилъ грозно брови,
И молча куритъ глиняную трубку.
«Дай,дѣдъ,огня!» «Дамъ: разскажи мнѣ сказку.»
«Я не умѣю...»—«Прйсказку скажи!»
«Не смѣю.»—«Ну, такъ я съ твоей спины,
«Отъ головы до пятъ, на поясъ сыну,
«За то тесьму ременную скрою!»—
«Нѣтъ-стой, почтенный! такъ и быть! Я сказку
«Надумалъ. Только, слушай, если ты
«Меня собьешь на словѣ, или скажешь:
«Совралъ, неправда! я съ твоей спины,
«Ужъ не одну, а двѣ тесьмы ременныхъ
«Скрою себѣ на поясъ...»—«Говори!»—
«Изволь... На ярмарку, за бочкой дегтю,
«Отецъ мой на твоемъ отцѣ верхомъ
«Пріѣхалъ!...» «Врешь, бездѣльникъ!» «Вру?
Постой же,
«Давай свою мнѣ спину!.. Гдѣ мой ножъ?»
Старикъ вскочилъ, заткнулъ за поясъ трубку,
Надвинулъ шапку, полы подобралъ—
И ну бѣжать... Кондратъ бѣжитъ за нимъ,
Кричитъ, ножомъ размахиваетъ грозно,

И палкой бьетъ по пятамъ старика...
Какъ вдругъ, на всемъ бѣгу онъ поскользнулся
И по землѣ съ размаха растянулся...
Когда жъ Кондратъ вскочилъ, старикъ исчезъ—
А ножъ его воткнулся въ кожу дыни,
Разсѣкъ ее съ конца въ конецъ, и тутъ же
Въ ея средѣ янтарно-золотистой
Невидимо и быстро утонулъ.

Жаль казаку ножа. Онъ оглядѣлся,
Подумалъ, погадалъ, на кочку сѣлъ,
Разулся, шаравары на колѣни,
Какъ надо, навернулъ, досталъ тавлинку,
Дорожкою насыпалъ табаку,
Вдоль локтя, къ одному концу дорожки
Приставилъ носъ, раздвинулъ жадно ноздри
И всю дорожку разомъ поглотилъ—
И ошалѣлъ, и крякнулъ, и отважно
Полѣзъ на дно необозримой дыни...

Полѣзъ Кондратъ, ступилъ на дно, глядитъ,
Куда засѣлъ досадный ножъ, — и видитъ,
Въ потемкахъ бродитъ сѣрый человѣкъ.
«А !кумъ Кондратъ !» «Здорово ,кумъ Трисошный,
«Куда тебя нелегкая несетъ?..»
— «Ищу воловъ; а ты?»— «Ищу ножа.»
— «Напрасно, братъ, смотри, какая тёмнсть!
«Ни зги не видно... Подождемъ зари.»

«Пусть такъ! Но гдѣ мы ляжемъ спать съ тобою?»
— «А надо кумъ, изъ дыни выйдти вонъ...
«Для этого одинъ изъ насъ нагнется,
«Другой ему на плечи заберется
«И выскочитъ изъ дыни, а потомъ
«Въ Вербовку сбѣгаетъ за топоромъ
«И куму дверь прорубитъ... Мы приляжемъ,
«Другъ другу по забавной сказкѣ скажемъ,
«И кто съумѣетъ лучше разсказать,
«Тому сперва и можно вылѣзать...»
«Согласенъ, кумъ, изволь!» «Когда согласенъ,
«Такъ слушай же, я стану говорить.»

—

(Сказка Трисóшнаго).

Жила-была красавица-казачка,
Высокая, степенная, прямая.
Она смотрѣла черными глазами,
Какъ вольный ястребъ смотритъ изъ-подъ тучъ.
Она носила двѣ густыя косы,
Какъ двѣ тяжелыхъ, вьющихся змѣи...
Она, чѣмъ-свѣтъ, водой студеной мылась,
Безъ устали у печки пряла пряжу.
Въ дремучій зной она ложилась въ тѣнь,
Въ кусты смородины, бузка и терна,
И на ея малиновыя губки,
Какъ на цвѣтки, жужжа, спускались пчелы,

Звенѣли и кружилися надъ ней,
И улетали, будто медъ сбирая
И ароматныхъ розъ не смѣя жалить!
А подъ-вечеръ она у двери хаты,
На улицѣ садилася и шила,
И пѣла долго-долго, и летѣла
Привольной думой въ благодатный край
Дѣвическихъ серебряныхъ видѣній,
И звѣзды, и поля, и самый мѣсяцъ,
И цѣлый міръ внималъ ея напѣвамъ...
Допѣлася до жениховъ казачка,
Посыпались къ казачкѣ женихи,
Какъ сыплются въ грозу отъ вѣтра листья.
Межь всѣми же, межь тѣми женихами,
Два болѣе другихъ ей полюбились,
А именно сапожникъ, да кузнецъ.

Кузнецъ еще и такъ и сякъ, немного...
Что жъ до сапожника, такъ этотъ прямо
Плѣнилъ ее, и свадьбу заварилъ.
«Постой же, думаетъ кузнецъ-бѣдняга,
«Я проучу тебя ременный шовъ!»—
Идетъ онъ разъ съ казачкою, слободкой,
И видитъ: изъ избы въ рѣзныя окна
Сапожникъ пару новыхъ сапоговъ
На воздухъ выставилъ и саломъ смазалъ...
«Вотъ диво, панъ кузнецъ!»—«Да, точно, диво!?
«А развѣ что?» «Какъ что? Да нашъ сапожникъ

«Закоренѣлый турокъ и безбожникъ!
«Онъ по ночамъ летаетъ изъ трубы,
«Кричитъ козломъ, смиренія не знаетъ,
«Ложится на спину среди избы,
«Изъ оконъ обѣ ноги выставляетъ,
«И такъ весь день-деньской лежитъ и спитъ,
«А на работу вовсе не глядитъ.»

Задумалась красавица-казачка,
Рѣшается съ сапожникомъ покончить,
Прогнать его и въ церковь съ кузнецомъ
Идти; глаза потупила стыдливо —
И видитъ вдругъ на ножкахъ у себя
Сафьянные сапожки съ каблуками...
«Нѣтъ, говоритъ, сапожникъ хоть лѣнтяй,
«А все-таки сапожникъ; я жъ не лошадь —
«И мнѣ не нужно мужа кузнеца!»
Загоревалъ кузнецъ сильнѣй, чѣмъ прежде.
Промежь бровей его, какъ черный ужъ,
Вползла морщина длинная; потухли
Его глаза; онъ пожелтѣлъ и высохъ,
И одичалъ, не сталъ ни ѣсть, ни пить,
Косматымъ звѣремъ по полямъ скитался
И пропадалъ по суткамъ изъ села...
Такъ онъ узналъ о свадебномъ весельи
Сапожника съ казачкой молодой...

Узналъ—и въ кузницу тайкомъ забрался,
Раздулъ огонь, засовомъ заперъ двери,

На угольяхъ отборныхъ раскалилъ
Желѣзную коротенькую плитку —
Щипцами взялъ ее, подъ полы спряталъ,
И такъ пришелъ къ сапожнику на свадьбу,
И рядомъ сѣлъ съ веселымъ женихомъ...
«Здоровы будьте, сыты и богаты!»
Сказалъ онъ, осушивъ тяжелый ковшъ,
И опустилъ тайкомъ за голенище
Сапожнику пылающую плитку...
Весь помертвѣлъ испуганный женихъ!
Желѣзо раскаленное до кости
Прожгло его колѣно и ступню,
До каблука сапогъ испепелило,
И, зашипѣвъ, ударилось о полъ —
И самый полъ по камни пронизало...
Но не моргнулъ, не сморщился сапожникъ!
Онъ угадалъ продѣлку кузнеца,
Закрылъ полой прожженное колѣно,
И, стиснувъ зубы, крякнулъ, усмѣхнулся,
Провелъ рукой по шелковымъ усамъ,
Поцаловалъ въ уста свою коханку,
Наполнилъ ковшъ сверкающимъ виномъ,
И сталъ желать ехидному злодѣю
Богатства, правды, счастья у людей,
Жены красивой, тещи сановитой
И полонъ дворъ веселья и дѣтей —
И осушилъ весь ковшъ, и до конца
Веселой свадьбы славилъ кузнеца.

И такъ ему красавица досталась...
И слобода той свадьбѣ дивовалась!

—

«Вотъ, кумъ Кондратъ, и сказка.»—«Хороша!»
— «Теперь тебѣ разсказывать! Высоко
«Стоитъ на небѣ мѣсяцъ, пѣтухи
«Еще молчатъ, и стихъ душистый вѣтеръ...
«Что жъ ты глядишь?.. Не бойся: это филинъ
«Кричитъ въ Вербовкѣ! Говори жъ»—«Изволь!»

—

(Сказка Кондрата).

Шли въ полдень, степью, двое казаковъ,
Отецъ и сынъ, и видятъ: по дорогѣ
Идетъ барышникъ съ парою воловъ
Откормленныхъ, породистыхъ и сильныхъ.
«А хочешь, батюшка, я тѣхъ воловъ
«Украду у барышника?» — «Украдешь?
«Ну, гдѣ тебѣ, дуракъ! Съ твоимъ ли духомъ!
«Теперь не ночь!» «Не ночь? Смотри жъ, родимый!»
Скидаетъ сынъ съ одной ноги сапогъ,
Оврагами и полемъ обгоняетъ
Барышника, и на пути его
Кладетъ сапогъ, а самъ въ траву ложится.

Проходитъ мимо гордый человѣкъ
И, какъ прямой барышникъ, смотритъ въ землю,

Грызетъ чубукъ коротенькой стамбулки
И шевелитъ кнутомъ въ травѣ, нахмуря
Широкій лобъ, едва передвигая
Столбы своихъ тяжинныхъ шараваръ
И поводя спѣсиво рыжимъ усомъ...
Вотъ, видитъ онъ, какъ разъ среди дороги,
Лежитъ въ пыли новешенькій сапогъ.
Идетъ купецъ своимъ степеннымъ шагомъ
И сапога не хочетъ онъ поднять...

Встаетъ опять казакъ, беретъ сапогъ,
Другой же вновь съ своей ноги скидаетъ,
Барышника полями обгоняетъ
И также на пути его кладетъ
Сапогъ, а самъ въ траву тайкомъ ложится.

Проходитъ снова гордый человѣкъ,
И снова, какъ барышникъ, смотритъ въ землю,
Грызетъ чубукъ коротенькой стамбулки,
И шевелитъ кнутомъ въ травѣ, нахмуря
Широкій лобъ, едва передвигая
Столбы своихъ тяжинныхъ шараваръ
И поводя спѣсиво рыжимъ усомъ...
И видитъ онъ, какъ прежде, на дорогѣ
Лежитъ другой новешенькій сапогъ...
«Эхъ! говоритъ барышникъ: и другой!..
«Жаль, полѣнился! Надо воротиться.
«Какъ ни суди, а пары сапоговъ
«Не всѣмъ сыскать въ степи среди дороги.»

И, бросивъ этотъ найденный сапогъ,
Воловъ, да на придачу и стамбулку,
Идетъ назадъ барышникъ торопливо,
И вотъ ужъ онъ за балкою исчезъ,
И не слыхать его шаговъ тяжелыхъ...
А казаку того и было нужно!
Не торопясь, беретъ онъ свой сапогъ,
Беретъ воловъ и гонитъ ихъ пролѣскомъ,
Куря табакъ изъ голубой стамбулки,
Настигъ отца — и оба казака
Идутъ опять своимъ путемъ-дорогой:
Барышникъ же остался безъ воловъ!

—

«Вотъ и моя, товарищъ, небылица!
«Теперь рѣшай, кому изъ насъ обоихъ
«Пришлось красивѣй сказку разсказать,
«Кому изъ дыни прежде вылѣзать.
«Ну, кумъ Трисóшный, что жъ ты замолчалъ?
«Гляди, ужъ день надъ степью заигралъ...
«Протру глаза... Я что-то вижу худо...
«Эге! да гдѣ же я?.. Вотъ, право, чудо!
«Ни кума, ни бакши!.. Кругомъ кусты
«И солнце грѣетъ съ синей высоты!..»

—

Глядитъ Кондратъ—а онъ лежитъ подъ вишней,
Въ своемъ саду. Его родные братья —
Кондраты, если помните, — лежатъ

Вблизи его, подъ яблоней душистой;
Никто изъ нихъ совсѣмъ и не гадалъ
О томъ, чтобъ лугъ арбузами засѣять...
Всѣ трое развалились на травѣ,
А изъ земли встаетъ горячій паръ,
Встаетъ и наполняетъ казаковъ
Отрадою, томленьемъ и восторгомъ,
Любовью ко всему, что есть на свѣтѣ,
Молчаньемъ, лѣнью, неисходнымъ сномъ,
И страстною, болѣзненною дрожью...

А солнце свѣтитъ сквозь живую сѣть
Задумчивыхъ акацій; вѣтеръ гонитъ
Туманъ надъ садомъ; нѣга вѣжды клонитъ...
Хотѣлось бы отъ счастья умереть!..

Такъ поутру проснулися когда-то
Три брата и они же три Кондрата. (4).

V.

ОГНЕННЫЙ ЦВѢТОКЪ.

—„Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!..
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой! —“

Рыбакъ и рыбка.
Пушкинъ.

Похвасталъ разъ Цвиркунъ, горбатый писарь,
Передо всей глинчанской слободой,
Что не бывалъ онъ отъ рожденья трусомъ,
И никогда не вѣрилъ въ домовыхъ,
Что ляжетъ спать онъ ночью на кладбищѣ;
Пойдетъ въ овесъ ловить перепеловъ,
Не поблѣднѣвъ, не крикнувъ, принесетъ
Моченыхъ грушъ изъ темнаго чулана,
Подъ крики совъ въ Курбатовскомъ-Пруду
Наудитъ щукъ, и спроситъ у кукушки,
Какъ долго жить ему еще на свѣтѣ,
И наконецъ, для подтвержденья словъ,
Взялъ и пошелъ, на удивленье міра,
Подъ самаго Купала, ровно въ полночь,
За папортникомъ, на болото, въ лѣсъ...
Цвиркунъ носилъ со скрипомъ сапоги,

Свинцовую сережку въ лѣвомъ ухѣ,
Огромный чубъ, у пояса кисетъ,
Чернильницу, походный ножъ и трубку;
Носилъ онъ перстни, рыжіе усы
Щетинистые, точно у кота,
Воротнички у загорѣлой шеи,
Въ медоточивыхъ, выспреннихъ устахъ
Пріятный запахъ сладостныхъ наливокъ,
И, наконецъ, оранжевый жилетъ
И голубой кафтанъ до самыхъ пятокъ...
А сколько зналъ онъ пѣсень, горемычныхъ,
Веселыхъ, слезныхъ, женскихъ и такихъ,
Которыя поются за бандурой!
А сколько прочиталъ онъ разныхъ книжекъ,
Чума его возьми! да все не нашихъ—
Такихъ, что сколько въ нихъ ты не смотри,
Въ глазахъ рябитъ, какъ будто смотришь въ погребъ—
И за бока ни разу ты надъ ними
Не схватишься, не упадешь со смѣху
И отъ души не скажешь: вотъ такъ штука!

Пришелъ Цвиркунъ, запрятался въ кусты,
И ждетъ, когда цвѣтокъ травы завѣтной
Средь темноты полночной зацвѣтетъ.
Межь синихъ тучъ едва мерцаютъ звѣзды,
Прохладный воздухъ пахнетъ жирухой,
Сухими листьями, корой, грибами,

И ландышемъ, и липой, и лозой...
Поляны, лѣсъ, овраги, сучья, травы,
Все тихо, все объято чуткимъ сномъ...
Глядитъ Цвиркунъ и видитъ: передъ нимъ,
Въ махровой зелени зардѣлась точка,
Острѣй иглы, свѣтлѣетъ и растетъ,
Пускаетъ въ бокъ сверкающія нити,
Изъ нитей вырастаютъ лепестки,
Сплетаются, ложатся тонкой почкой,
А почка распускается коронкой —
И голубой, дымящійся цвѣтокъ
Изъ темноты у ногъ его выходитъ...

Вотъ чудеса! подумалъ храбрый писарь,
И къ пáпортнику руку протянулъ...
Не тутъ-то было! онъ къ цвѣтку, а тотъ
Собакою кудлатой обернулся
И ждетъ его, оскаля страшный ротъ.

Глядитъ Цвиркунъ, и самъ-себѣ не вѣритъ...
Черезъ рогатый пень, по острымъ сучьямъ,
Лиловымъ отъ сіянья, змѣй ползетъ —
Зеленый и съ пѣтушьей головой...
На перышкѣ верхомъ несется вѣдьма,
Въ сѣдыхъ усахъ, съ вороньими когтями,
Въ короткой юбкѣ, съ трубкою въ зубахъ
И подпоясанная мокрой пьявкой...
Между дрожащихъ вѣтокъ сонныхъ вязовъ

Бычачій глазъ по воздуху летитъ...
Безрукій мальчикъ вышелъ изъ травы
И машетъ золотою бородою...
А тамъ въ потьмахъ качается крыло
Летучей мыши, далѣе шагаетъ
Разбитый чанъ на журавлиныхъ лапахъ...
Кругомъ ползутъ зеленые жуки,
Треща крыломъ и поводя рогами
Вѣтвистыми, какъ у лѣсныхъ оленей.
За ними слѣдомъ мчится и гремитъ
Овечья голова, въ казацкой шапкѣ
И съ красными, кровавыми глазами...
И наконецъ, вверху, надъ самымъ лѣсомъ,
Крылатые несутся барабаны,
Смычки, бандуры, скрипки, балалайки,
Лягушки, перья, кости и листы,
Оторванные изъ какой-то книги...
И это все шумитъ, звенитъ, стрекочетъ
И, по кустамъ карабкаясь, хохочетъ...

Не поддался продѣлкамъ сатаны
Отважный писарь, смѣлою рукой
Подъ визгъ и трескъ онъ папортникъ сорвалъ
И, положивъ его въ платокъ, сквозь сѣти
Препятствій новыхъ бросился домой.

Чуть онъ вступилъ въ оврагъ Сосновой Балки,
Откуда ни возьмись ему на встрѣчу

Съ цыплятами насѣдка: такъ въ глаза,
Кудахча, и кидается ему!
Цвиркунъ идетъ своимъ путемъ-дорогой —
И пестрая насѣдка исчезаетъ!

Идетъ онъ дальше: травы и кусты
Становятся водою... Всю поляну
Рѣка, шипя и пѣнясь, заливаетъ,
Растетъ, плыветъ, деревья потопляетъ
И подступаетъ казаку до плечь...
Но онъ идетъ своимъ путемъ-дорогой—
И, словно дымъ, расходится вода.

Вотъ вышелъ онъ изъ лѣса на поляну,
И мракъ исчезъ, и заалѣла степь
Прохладною, душистою зарею...
Дрожащій лучь скользнулъ надъ бездной травъ,
По голубымъ, чуть-виднымъ паутинкамъ
Алмазная развѣсилась роса...
Вдоль по дорогѣ зайцы молодые
На солнцѣ начали порхать, играть,
Шалить, кувыркаться и лапкой мыться.
Надъ благовонной, черной, рыхлой пашней,
Подъ кочкой гдѣ-то каркнула ворона...
Вдали изъ-за холма взвился орелъ,
И въ сонномъ воздухѣ промчались шумно
Два голубя, поджавъ худыя ножки,
Сверкнувъ крыломъ лиловымъ передъ солнцемъ

И потонувъ у рощи, за курганомъ,
Въ холодной мглѣ молочныхъ облаковъ...
Ну! думаетъ Цвиркунъ, теперь ужъ мы
Разбогатѣемъ: домъ не за горами!
И видитъ, по дорогѣ догоняетъ
Его объѣздчикъ, красный и губатый,
Тотъ самый, у котораго на дняхъ
Онъ до того сливянки нализался,
Что началъ кукурикать пѣтухомъ...
— «Те-те! панъ писарь! Что такъ рано встали?
«Навѣрно отъ коханки? прямо съ Пѣсокъ?»
— «Куда намъ!..» «А въ платочкѣ что у васъ?»
— «Гостинцы...»—«А!.. Садитесь же со мною,
«Берите возжи, правьте потихоньку,
«А ужъ гостинцы я вамъ сберегу.»

Цвиркунъ садится, плеткою стегаетъ
Каурую кобылку, ѣдетъ, ѣдетъ,
О суетѣ житейской разсуждаетъ,
И слышитъ вдругъ, какъ-будто невдали
Пропѣли пѣтухи... Глядитъ — и что же?..
Все скрылось: откупщикъ, его платокъ
И драгоцѣнный огненный цвѣтокъ!
Онъ самъ сидитъ на палочкѣ, рысцой
Гарцуетъ съ ней глинчанской слободой,
Межъ молодицъ отважно выступаетъ
И рысака мочалкой погоняетъ...

—

Такъ обманулъ нечистый казака!
Не перенесъ казакъ насмѣшки чорта,
И съ горести, какъ слышно, испился...
Но какъ-то тѣмъ же лѣсомъ шелъ чабанъ,
Чабанъ, какъ всѣ степные овценасы!
Онъ шелъ одинъ съ кудлатою собакой
Да съ думою немолчною своей:
Шелъ онъ въ сорочкѣ, вымазанной дегтемъ,
Съ кнутомъ пяти-аршиннымъ на плечѣ,
Съ герлыгою въ рукахъ, въ дырявой свиткѣ,
Въ мохнатыхъ, узкихъ, волчьихъ шараварахъ,
Въ плетеной, травяной, зеленой шапкѣ,
Въ усищахъ сивыхъ, съ бритой головой,
Въ подкованныхъ, огромныхъ черевикахъ
На тощихъ, словно палочки, ногахъ,
И гналъ домой отставшую овцу...
Онъ наступилъ на па́портникъ случайно
Въ тотъ самый мигъ, какъ началъ онъ цвѣсти,
И па̀портникъ въ башмакъ къ нему свалился.

Оторопѣлъ, какъ отъ грозы, чабанъ!
Глядитъ: вокругъ него зажглась дуброва
И лѣшіе выходятъ изъ-за-пней...
Онъ закричалъ, и ну бѣжать! Трава,
Деревья, пни и высохшіе сучья
Со всѣхъ сторонъ тѣснятся передъ нимъ,
Когтистыя протягиваютъ лапы,
Хотятъ его схватить, остановить,

Трещатъ, гремятъ, бѣгутъ за нимъ въ погоню
И все кричитъ: «отдай, отдай мое!»

Едва дыша, вбѣжалъ чабанъ въ слободку
И черезъ тынъ вскочилъ въ свою избу.
Онъ затворилъ засовомъ дверь, на печку
Полѣзъ, и только-что разуться вздумалъ,
Какъ на дворѣ пропѣли пѣтухи...
У чубана на сердцѣ отлегло
И молча онъ по хатѣ оглядѣлся.
И чтó жъ? опять невиданное диво!
Подъ лавкою, въ углу, у самой печки,
Земля прозрачна стала, какъ стекло,
А сквозь кору ея блеститъ кубышка,
Наполненная чистымъ серебромъ...

Глядитъ чабанъ, шатается, какъ сонный,
Не знаетъ, лечь ли спать, поить ли скотъ
И позабыть ли чудное видѣнье...
Выходитъ онъ, едва дыша, въ сарай —
Тамъ то же самое! Въ углу подъ сѣномъ,
Земля горитъ, какъ ясное стекло,
А сквозь кору ея блеститъ кубышка,
Наполненная чистымъ серебромъ...
Все разгадалъ испуганный чабанъ!
Онъ скинулъ осторожно черевики,
Досталъ цвѣтокъ, зашелъ подальше въ степь,
Разсѣкъ себѣ ладонь, подъ складку кожи

Засунулъ папоротникъ и заростилъ
Его въ рукѣ, и тайно съ той поры
Сталъ находить невидимые клады,
И скоро онъ разбогатѣлъ безъ мѣры,
Женился, началъ въ волю ѣсть и пить,
И расплылся сороковою бочкой.

Срубилъ себѣ чумакъ алмазный домъ,
А для собаки золотую хатку...
Надѣлъ рубашку алую, кунтушъ,
Широкіе, какъ море, шаравары,
Съ ременнымъ, въ ясныхъ бляхахъ, кушакомъ,
Надѣлъ онъ сапоги изъ желтой кожи,
Надѣлъ тулупъ на заячьемъ мѣху—
И завалился по уши въ перины,
И кушать сталъ вареники, да медъ,
Да шулики, да пироги съ горохомъ!..
Вокругъ него толпилася семья,
Откормленная на привольѣ. Пашни
Сторицею ему плодили хлѣбъ...
Онъ не знавалъ губительной засухи,
Кузнечиковъ, коварныхъ овражковъ
И злобныхъ тучь безжалостнаго града...
Ничто въ его дворѣ не пропадало,
И ни одинъ ничтожнѣйшій горшокъ
Въ рукахъ его невѣстокъ не разбился...

Чего же больше нужно человѣку?

Не тутъ-то было! Загрустилъ казакъ...
— «Не надо мнѣ ни сала, ни наливокъ,
Ни шуликовъ, ни пироговъ съ горохомъ!
Давайте мнѣ отъ ласточки яицъ!»
Такъ онъ сказалъ, и подъ руки внучаты,
Его на воздухъ вывели изъ хаты...

Усѣлся онъ на бархатномъ коврѣ,
Облокотился важно о подушки,
При помощи безчисленныхъ дѣтей,
Сложилъ на грудь упитанныя руки
И протянулъ передъ собою ноги,
Какъ два столба дубовыхъ въ сапогахъ,
И тяжело вздохнулъ, и потянулся,
И до ушей открылъ лѣнивый ротъ...

Но чуть онъ взялъ вареное яичко
Касаточки, которая надъ нимъ
Кружилася и жалобно визжала —
Яйцо упало на земь и разбилось..:
За нимъ упала хата казака,
За хатою амбары и сараи,
И цѣлый дворъ, луга, поля и лѣсъ —
Въ пустынное болото обратились...

—

Остался вновь ни съ чѣмъ старикъ-чумакъ!
Другіе отъ такого зла да горя

Погибли бы ни за-что, ни про-что,
Все проклинали бъ, завистью терзались,
Или съ мѣшкомъ пошли бы въ Божій міръ,
Куда глаза глядятъ, пошли бы скитаться,
На старости подъ окнами стучаться,
Бродить, рыдать, по счастьи горевать
И о могилѣ Бога умолять!

Но не таковъ былъ горестный казакъ!
Онъ погрустилъ за саломъ да за медомъ,
Подумалъ: «вотъ ужъ важное житье
Въ перинахъ да на шелковыхъ подушкахъ!»
Подумалъ, погадалъ, махнулъ рукой,
Ударилъ въ полы, подозвалъ собаку,
Надѣлъ опять дегтярный балахонъ,
Плетеную изъ травъ болотныхъ шапку,
Оборванные волчьи шаравары,
Подбитые гвоздями черевики
И старенькую свитку — взялъ свой ножъ,
Пяти-аршинный кнутъ, кисетъ и трубку—
И снова въ степь пошелъ чабановать,
Ходить, бродить и на кожухъ спать. (5).

———

VI.

ОБОРОТЕНЬ.

— „И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!—

Жилъ-былъ себѣ казакъ Иванъ Вареникъ,
По уличному Гугля, а по книгамъ —
По книгамъ чуть ли не Иванъ Ивановъ...
Былъ у казака сынъ, Вареникъ тоже
И тоже Гугля,—статный молодецъ!
Всѣмъ бралъ онъ, всѣмъ, и ростомъ и усами,
И свиткою, и шапкой, и умѣньемъ
Отгадывать, гдѣ прячутъ пироги
И шкалики съ вишневкой, да сливянкой...
Одна бѣда: онъ былъ лѣнивъ, какъ вѣтеръ
Въ полдневный зной, какъ мысли казака
Въ тѣни кустовъ развѣсистыхъ черешень,
На бархатѣ благоуханныхъ травъ, —
Когда въ зубахъ дымится люлька, ноги
Раскинулись, какъ пьяницы въ шинку,
Одна рука другой не хочетъ слушать,
А чубъ, какъ змѣй, развѣсился по пню,
Обвилъ его своею черной лентой —

И весело смотрѣть въ дрожащій воздухъ,
Съ мильонами повисшихъ надъ землей,
Какъ искорки, алмазы и рубины,
Рогатыхъ мухъ, жучковъ, коровокъ, мошекъ,
И длинныхъ осъ, и крохотныхъ букашекъ,
И золотыхъ неугомонныхъ пчелъ —
На море травъ, готовыхъ встрепенуться
И покатить по вѣтру пышный строй
Зеленыхъ волнъ, осыпанныхъ цвѣтами,
И на орла въ далекихъ небесахъ...
Блаженный край! лежи весь вѣкъ подъ хатой—
Лѣнивый сонъ несется безъ конца!

Вотъ старый Гугля Гуглю молодаго
Отдать въ ученье вздумалъ, въ мастерство.
Отдалъ въ сапожники — забраковали;
Попробовалъ въ вѣтошники отдать,
Въ вѣтошники забраковали снова;
Отдалъ на пасѣку, въ токарню, въ бойню,
На кузницу, въ овчарню, въ грамотѣи —
Вездѣ одно и тоже: не годится...
Онъ отдалъ сына въ ле́жни, но и въ ле́жняхъ
Не повезло лихому казаку!..
Задумался отецъ, махнулъ рукою,
Взялъ сына и пошелъ пустынной степью,
Пошелъ, печально голову склоня,
И такъ онъ шелъ три ночи и три дня.

Приходитъ въ лѣсъ, заглохшій и дремучій,

Съ усталости на дряхлый пень садится
И говоритъ, вздыхая, про себя:
«Охъ, охъ!!.. Судьба, судьба моя лихая!»
И видитъ вдругъ, изъ подъ гнилаго пня,
Просунулся зеленый человѣчекъ
И говоритъ: «а что тебѣ почтенный?
«Я Охъ, я Охъ, властитель этой дебри...
«Ты звалъ меня, и я къ тебѣ явился:
«Приказывай, зачѣмъ меня ты звалъ?»
Задумался Вареникъ не на шутку,
Задумался, на сына посмотрѣлъ
И разсказалъ владыкѣ темной дебри,
Какъ и куда его онъ отдавалъ,
И какъ нигдѣ онъ счастья не видалъ.
— «Постой же, кумъ, отдай его ко мнѣ ты
«Въ ученіе, не бойся ничего —
«И въ эту пору, ровно черезъ годъ,
«За нимъ прійди: я всѣмъ его наукамъ
«И ремесламъ, какъ надо, научу—
«И вновь тебѣ его я возвращу!»
Вареникъ согласился, отдалъ сына
И радостный пошелъ опять домой,
А Охъ приподнялъ пень и опустился
Съ ученикомъ въ подземныя страны,
Въ свое лѣсное царство-государство...
Чуть онъ ступилъ подъ землю, дверь зеленой,
Обросшей мхомъ и камышами хатки,
Съ зеленою оградой и трубой

И съ лентою зеленой дыма, тихо
Раскрылась передъ нимъ, пропѣвъ, какъ лозы
Поютъ въ лѣсу съ перепорхнувшимъ вѣтромъ,
И на порогѣ казаку предстала
Зеленая волшебника жена,
Зеленыя волшебниковы дѣти,
И столъ, покрытый скатертью зеленой,
Съ зеленою кутьей и пирогами.
— «Садись и ѣшь!» сказалъ, нахмурясь, Охъ.
Казакъ не долго думалъ и усѣлся,
И сталъ глотать безъ счету пироги...
Когда въ горшкѣ гулялъ одинъ лишь вѣтеръ,
Колдунъ утерся рукавомъ и вталъ,
И вышелъ съ Гуглей изъ зеленой хатки.
— «Носи дрова!» сказалъ онъ казаку —
Казакъ подъ плеткой Оха заметался
И навалилъ костеръ изъ хрупкихъ лозъ.
Колдунъ умылъ его, одѣлъ въ нарядный
Кунтушъ, связалъ ему веревкой руки,
И положилъ его на верхъ костра,
И запалилъ сверкающія лозы.
Костеръ сгорѣлъ, а съ нимъ сгорѣлъ и Гугля!
Колдунъ собралъ его горячій пепелъ
И сталъ его на вѣтрѣ высѣвать.
Летучій прахъ разсыпался по травамъ,
Къ ногамъ волшебника упалъ одинъ
Погасшій уголекъ, величиною
Съ горошину, и было это сердце

Сожженнаго воспитанника Оха...
Взялъ Охъ упавшій уголь, чѣмъ то спрыснулъ,
И снова встрепенулся передъ нимъ
Живой, какъ прежде, длинночубый Гугля!
Опять колдунъ велитъ носить дрова,
И вновь казакъ на верхъ костра ложится;
Костеръ горитъ, а съ нимъ горитъ и Гугля,
Горятъ его казацкіе усы,
И шапка новая, и шаравары,
И длинный чубъ, и трубка, и кисетъ...
Кидаетъ Охъ по вѣтру легкій пепелъ,
И пепелъ разсыпается, какъ пыль.
Къ ногамъ волшебника одинъ лишь уголь,
Величиной съ горчичное зерно,
Изъ кучи пепла тихо выпадаетъ,
И то зерно — истлѣвшее въ конецъ
Лихое сердце горемыки Гугли.
— «Ну, говоритъ колдунъ: пора покончить;
«Теперь его я снова оживлю,
«И пусть идетъ на свѣтъ на заработки!»
И онъ опять беретъ завѣтный уголь,
Его водой волшебной поливаетъ,
И снова появляется предъ нимъ
Живой, какъ прежде, длинночубый Гугля —
И Охъ его гоняетъ и журитъ,
И дѣлать дива разныя велитъ.

—

Проходитъ годъ, въ дремучій лѣсъ Вареникъ

Идетъ, садится на косматый пень,
И въ тотъ же мигъ къ нему на плечи тихо
Спускается лиловый голубокъ,
Съ дрожащими сребристыми крылами,
Съ пушистыми въ оборочкахъ ногами
И съ розовыми глазками: «Отецъ,
«Отецъ мой! шепчетъ голубь, обнимая
Отца своимъ сверкающимъ крыломъ:
«Когда меня просить ты нынче станешь
«У Оха, онъ насъ всѣхъ, учениковъ
«Своихъ, намѣренъ обратить въ барашковъ!
«Всѣ будутъ какъ одинъ, всѣ будутъ схожи
«Между собой, но я начну кричать,
«И ты указуй прямо на барашка,
«Который будетъ бѣгать и кричать!»
Настало время выбора: «А-ну-ка,
«Узнай, старинушка который твой?..
«Узнаешь, дѣлать не-чего, безъ платы
«Бери его съ собою на село!»
Глядитъ старикъ и головой качаетъ:
Барашки, какъ одинъ, одной породы,
Однихъ мастей и роста однаго...
— «Вотъ это мой! онъ говоритъ съ усмѣшкой,
Указуя рукою на барашка,
Который бѣгалъ, прыгалъ и кричалъ.
— «Ты угадалъ! нахмурясь, отвѣчаетъ
Сердитый Охъ: однакожъ погоди—
«Ты чрезъ годъ за сыномъ приходи!»

Проходитъ годъ опять, и въ туже пору
Въ дремучій лѣсъ идетъ Иванъ Вареникъ,
Идетъ, садится на косматый пень
И снова видитъ, голубокъ лиловый
Къ нему слетаетъ тихо на плечо.
— «Сегодня, батюшка, передъ тобою
«Хозяинъ нашъ своихъ учениковъ
«Ужъ не въ барашковъ обратить намѣренъ,
«А въ краснопёрыхъ, жирныхъ пѣтуховъ!
«Всѣ будутъ, какъ одинъ, всѣ будутъ схожи
«Между собой, но ты ищи того,
«Чей гребешокъ не много будетъ на бокъ!»
Настало время выбора, волшебникъ
Выводитъ Гуглъ стаю пѣтуховъ
И говоритъ: «Ищи, почтенный, сына!
«Узнаешь, дѣлать не-чего, безъ платы
«Бери его съ собою на село!»
Глядитъ казакъ и головой качаетъ:
Всѣ пѣтухи однихъ мастей, породы,
Однихъ цвѣтовъ и роста одного...
— «Вотъ это мой! онъ говоритъ съ усмѣшкой,
Указуя рукой на пѣтуха,
Съ гребнемъ, заломленнымъ, какъ шапка, на бокъ!
— «Ты угадалъ! Бери его съ собою!
«Но помни, кумъ, тебѣ я не прощу
«Во вѣкъ того, что побѣдилъ ты Оха,
«Котораго не побѣждалъ никто!»
Старикъ беретъ съ собой обратно сына

И съ нимъ идетъ обратно на село,
И долго слышитъ онъ, какъ за спиною,
Звучатъ угрозы злаго колдуна:
«Но помни, кумъ, я не прощу во вѣки
«Тебѣ того, что побѣдилъ ты Оха,
«Котораго не побѣждалъ никто!»

—.

Идетъ Вареникъ съ сыномъ городами,
Долинами, лѣсами и горами.
Идетъ онъ долго ль, нѣтъ ли, только видитъ,
Съ охоты ѣдетъ важный господинъ.
Звенятъ ножи, винтовки за плечами,
Собакъ скликаютъ, хлопаютъ бичами,
Косые зайцы бьются въ торокахъ,
На егеряхъ зеленые кунтуши
И желтые, съ перомъ орлинымъ, шапки;
Самъ господинъ на вороном конѣ
Сидитъ въ суконномъ, синемъ казакинѣ,
Въ густой терновникъ взоры устремляетъ
И молча дымъ колечками пускаетъ,
Сося янтарь криваго чубучка
И погоняя плеткой рысака.
— «Постой-ка, батюшка, я обращуся
«Въ собаку гончую; ты продавай
«Охотникамъ за дорогую цѣну
«Меня, но только продавать не смѣй
«Съ меня веревки: въ ней, на это время,

«Я спрячусь самъ; смотри жъ, не ошибись!»
Торгъ совершенъ, казакъ пересыпаетъ
Дукаты пана въ кожаный кисетъ,
Спѣшитъ скорѣй въ сосѣдней балкѣ скрыться,
А изъ веревки вновь выходитъ хлопецъ —
И вновь съ отцомъ пускается блуждать
И счастія по свѣту добывать...
Онъ поминутно то козой, то бочкой
Съ горѣлкою, то возомъ дынь и сливъ,
То нанкою становится, то масломъ:
И чуть отецъ въ кисетъ пересыпаетъ
За сына деньги, унося съ собою
Какой-нибудь остатокъ отъ того,
Что продавалъ, изъ этого остатка
Является, какъ листъ передъ травой,
Передъ отцомъ Вареникъ молодой.

Такъ онъ ходилъ безъ малаго три года
По городамъ, степямъ и панскимъ селамъ,
Дукатами карманы нагрузивъ,
И насмотрѣвшись кучи разныхъ дивъ...

Приходитъ онъ однажды въ шумный городъ
И устремляется съ отцомъ на торгъ.
— «Смотри же, батюшка, я обращуся
«Въ персидскаго, лихаго скакуна.
«Ты продавай меня за ковшъ червонцевъ,
«За тысячу барановъ и за куль
«Крупичатой муки и грушъ, въ придачу;

«Но не забудь, не продавай съ меня
«Поношенной и порванной уздечки:
«Въ уздечкѣ той укроюся я самъ!»
Торгуется казакъ съ откупщиками,
Торгуется — и самъ себѣ не вѣритъ:
За скакуна даютъ и ковшъ червонцевъ
И тысячу барановъ; только куль
Крупичатой муки и грушъ въ придачу
Еще никто на торгъ не положилъ...
— «Я куль муки и грушъ кладу въ придачу!»
Кричитъ сѣдой и сморщенный цыганъ,
Между толпы народа продираясь —
И ржетъ предъ нимъ и бьетъ копытомъ конь:
«Я дамъ тебѣ все то, что ты желаешь,
«Но съ уговоромъ: продавай коня,
«Не одного, а съ конскою уздечкой!»
— Чтò, думаетъ казакъ: какое диво
Въ уздечкѣ?!... и цыгану отдаетъ
Коня, съ его завѣтною уздечкой. —

Чуть старый Гугля взялъ кули и деньги
И въ степь погналъ сторгованныхъ барановъ,
Сѣдой цыганъ — то былъ волшебникъ Охъ —
Укоротилъ коню уздечку, быстро
Вскочилъ къ нему на молодую спину,
Сдавилъ его шипами острыхъ шпоръ
И сталъ его гонять, кусать и злобно
Желѣзною нагайкою терзать!

—

Измучивъ и загнавъ коня, волшебникъ
Примчался съ нимъ домой и привязалъ
Его въ конюшнѣ, головою къ самой
Высокой балкѣ, такъ, чтобъ онъ не могъ
Достать изъ яслей ни овса, ни сѣна,
А самъ пошелъ съ женой своей обѣдать.
Но не успѣлъ онъ съѣсть и миски щей,
Какъ въ попыхахъ вбѣгаютъ въ хату дѣти.
— «О тату, тату, что теперь намъ дѣлать?..
«Мы повели коней на водопой,
«Да повели туда жъ и аргамака,
«Котораго сегодня ты купилъ;
«Глядимъ, а конь, чуть добѣжалъ до рѣчки,
«Къ водѣ припалъ усталой головой —
«И въ тотъ же мигъ съ него свалилась въ волны
«Уздечка, стала окунемъ, всплеснулась
«И уплыла, а съ ней исчезъ и конь!»
— Ну, сорванцы, задамъ я вамъ трезвону!—
Кричитъ колдунъ, бросаяся изъ хаты,
Стрѣлой летитъ къ рѣкѣ и въ волны — бухъ!
Становится въ волнахъ зубатой щукой
И, окуня догнавши, говоритъ:

«Окунь, окунь, окуне́цъ,
«Ненаглядный молодецъ:
«Стань ко мнѣ ты головою,
«Побесѣдуемъ съ тобою!»

Но окунь, ощетинивъ золотую
И острую, какъ иглы, чешую,

Становится хвостомъ къ зубатой щукѣ
И ей въ отвѣтъ съ усмѣшкой говоритъ:
«Коли ты, кума, быстра́,
«То лови меня съ хвоста!» —
И щука снова разсѣкаетъ волны
И, окуня догнавши, говоритъ:
«Окунь, окунь, окуне́цъ,
«Ненаглядный молодецъ:
«Стань ко мнѣ ты головою,
«Побесѣдуемъ съ тобою!»
Но окунь, ощетинивъ золотую
И острую, какъ иглы, чешую,
Становится хвостомъ къ зубатой щукѣ
И снова ей съ усмѣшкой говоритъ:
«Коли ты, кума, быстра́,
«То лови меня съ хвоста!»
Такъ плавалъ онъ и убѣгалъ отъ щуки,
Но наконецъ измучился, прыгнулъ
Изъ темныхъ волнъ и голубемъ помчался
Надъ синими разливами степей...

Глядитъ, а Охъ за нимъ орломъ несется,
Шипитъ, какъ змѣй, крыломъ широкимъ машетъ
И, когти выпустивъ и клювъ раскрывъ,
Кровавымъ взоромъ прожигаетъ воздухъ.

Казакъ копной травы зеленой сталъ,
А Охъ въ огонь летучій обратился,
Поджегъ копну, метнулся, затрещалъ

И полетѣлъ кудрявыми клубами...
Казакъ насилу вырвался изъ дыма
И побѣжалъ по степи сѣрымъ волкомъ!

Глядитъ, а Охъ уже летитъ за нимъ,
На помелѣ, кривой и старой вѣдьмой,
Догналъ его, нежданно изъ косы,
Сѣдой и тощей, вырываетъ волосъ,
И, пошептавъ надъ нимъ, въ блестящій мечь
Его въ рукѣ костлявой обращаетъ
И разсѣкаетъ волка пополамъ...
Двѣ половины волка, въ ту жъ минуту,
Передъ беззубой вѣдьмой исчезаютъ,
И остается только волчій хвостъ:
Хвостъ обращается въ лѣсную жабу,
А вѣдьма обращается въ змѣю,
И страшный бой змѣи съ лѣсною жабой,
Бой на-смерть, начинается въ степи...
Не долго бой ехидныхъ гадинъ длится;
Измученная жаба, искусавъ
Змѣю, становится древеснымъ червемъ,
На вѣтку дикой яблони ползетъ
И, прокусивъ одно изъ яблокъ, быстро
Скрывается въ его душистомъ тѣлѣ...
Колдунъ за нимъ на яблоню ползетъ
И язвою смертельной поражаетъ
То яблоко, и яблоко растетъ,
Становится величиною съ дыню,

И, лопнувъ, разлетается пескомъ...
Песокъ становится лѣсною пташкой,
Летитъ, глаза отъ ужаса зажмуря,
А Охъ за нимъ пускается совой —
И такъ они летятъ степями, рвами,
Долинами, лѣсами и горами...

Уже малютка пташка изныв аетъ
И чуть трепещетъ золотымъ крыломъ;
Уже она изъ силъ послѣднихъ бьется,
Раскрыла клювъ, склоняется, чуть дышетъ,
И, замирая, на землю летитъ....
Но не успѣла пташка опуститься
Къ землѣ, какъ видитъ, пышный, панскій домъ
Стоитъ, въ сады и нивы потопленный;
Среди двора колодезь и курганъ,
На томъ курганѣ столбъ и голубятня;
Изъ трубъ села несется струйкой дымъ;
Звучитъ свирѣль, въ лугахъ пасутся овцы
А изъ палатъ въ душистый, пышный садъ,
Растворено окошко, въ томъ окошкѣ
Блеститъ, въ лучахъ зари, надъ самопрялкой,
Румяная, кудрявая головка,
И молодая пани, распѣвая
И поводя веретеномъ пѣвучимъ,
Изъ пряди тянетъ золотую нить...

Въ окно влетаетъ маленькая пташка,
Становится чубатымъ казакомъ

И говоритъ, цалуя ручку пани
И становясь предъ нею на колѣни:
«О пани, пани, защити меня!
«Я обращусь въ алмазное колечко,
«Ты вдѣнь меня на розовый мизинчекъ,
«И чуть сюда войдетъ волшебникъ Охъ
«И у тебя просить колечка станетъ,
«Ты брось меня о землю и скажи:
«Пусть ни тебѣ, ни мнѣ колечко это —
«Пускай оно разсыплется пшеномъ! —
«Одно зерно подкатится къ тебѣ,
«Ты придави его своею ножкой
«И такъ держи: я въ немъ укроюсь самъ —
«Спаси меня, спаси, царица пани!»
Чуть онъ промолвилъ это, сталъ колечкомъ
И очутился на мизинцѣ пани,
Дверь распахнулась съ шумомъ и вошелъ
Въ нее отецъ красавицы, нахмуря
Сѣдыя брови и кусая усъ,
А съ нимъ колдунъ, въ кунтушѣ и въ ермолкѣ,
Какъ жидъ, серегъ и колецъ продавецъ.
— «Отдай, Оксана, перстень; для чего ты
«Его взяла у этого купца!»
— «Отдайте, госпожа, отдайте перстень:
«За что вы такъ обидѣли меня?»
— «Нѣтъ! говоритъ, сверкнувъ очами, пани:
«Пусть ни тебѣ, ни мнѣ колечко это —
«Пускай оно разсыплется пшеномъ!»

Она кольцо ударила о землю,
Кольцо пшеномъ разсыпалось, одно
Зерно подъ ножку пани подкатилось,
Укрылося подъ алымъ башмачкомъ,
И въ тотъ же мигъ колдунъ прыгнулъ изъ двери,
Сталъ пѣтухомъ, всѣ зерна поклѣвалъ,
Захлопалъ крыльями, закукурикалъ
И улетѣлъ въ открытое окно,
Свою побѣду надъ казакомъ славя...

А что жъ казакъ? — Казакъ, едва умчался
Волшебникъ, изъ подъ ножки милой пани
Опять явился статнымъ казакомъ,
Въ высокой шапкѣ, въ синихъ шароварахъ,
Затянутыхъ широкимъ кушакомъ,
Въ короткой свиткѣ, сѣрой съ оторочкой,
И съ чорными, курчавыми усами...
Онъ тутъ же пани милой полюбился,
Далъ слово ей покинуть колдуновъ
И оборотней и другихъ нечистыхъ
Властителей кромешной тьмы; отецъ
Пригожей пани въ тотъ же день затѣялъ
На славу свадьбу, дочку обвѣнчалъ
Съ Вареникомъ, и такъ напился браги,
Что выхватилъ у одного изъ пьяныхъ
И сонныхъ музыкантовъ контрабасъ,
И, отдувая горлицу, пустился
По комнатѣ кружиться и плясать,

И молодицъ румяныхъ задѣвать —
И только одного на брачномъ пирѣ
Недоставало между молодицъ
И хуторянскихъ хлопцевъ и дѣвицъ:
На пирѣ томъ не пилъ вареной браги
И не плясалъ родитель жениха,
Старикъ казакъ, сѣдой Иванъ Вареникъ,
По уличному Гугля, а по книгамъ —
По книгамъ чуть-ли не Иванъ Ивановъ! (6) —

VII.

ПОХОДЪ КАЗАКОВЪ.

(ПѢСНЯ БАНДУРИСТА).

Сѣлъ на курганъ съ бандурою слѣпецъ
И сталъ играть и пѣть сѣдой пѣвецъ.
Пустыня пѣсни старца повторяла —
И ни одна душа имъ не внимала...

* * *

«Ой, лугъ отецъ! ой, мать ты наша, Сѣчь!
О васъ летитъ недаромъ птица-рѣчь...
Какъ по Украйнѣ нашей смерть гуляла,
Съ бойцами пиръ кровавый пировала!
Одинъ лишь Богъ святой на небѣ зналъ,
Что Запорожецъ думалъ, да гадалъ,
Зачѣмъ кидалъ онъ степь съ родимымъ домомъ,
Куда онъ мчался молніей и громомъ,
Гдѣ комаровъ казакъ собой кормилъ,
Въ какихъ огняхъ усы и чубъ палилъ,
И гдѣ леталъ онъ, славы добывая,
Да буйную головушку слагая!

Какъ грянулъ громъ на сто долинъ и рвовъ,
На тысячу лѣсовъ и городовъ,

И застонали рѣки и равнины,
И застонали горы и долины!
Не Божій громъ въ поднебесьи гремѣлъ:
То колоколъ надъ Сѣчею гудѣлъ!

Межь темныхъ тучь мерцаютъ свѣчки-звѣзды,
Цари-орлы бросаютъ съ шумомъ гнѣзды;
И застилаетъ черной пеленой
Ночная тьма курганъ береговой,
А мѣсяцъ, словно лысый дѣдъ, выходитъ
Изъ-за холма, по длиннымъ селамъ бродитъ,
По хатамъ стелетъ бѣлые платки
И сыплетъ искры по волнамъ рѣки.
Набатъ затихъ.—Гонцы сторожевые
Бѣгутъ по селамъ; бочки смоляныя
Горятъ, и дымъ встаетъ, летитъ столбомъ,
И грозно степь стихаетъ надъ Днѣпромъ,
И, полные смятенья и тревоги,
Ревутъ во тьмѣ днѣпровскіе пороги!
Беретъ казакъ завѣтное копье,
Беретъ кинжалъ, черкеску и ружье,
И ятаганъ, звѣзду казацкой славы,
Наточенный о вражескія главы,
Подъ образа оружіе кладетъ
И на могилы праотцевъ идетъ.
Тамъ, поклонясь гробамъ бойцевъ могучихъ,
Беретъ онъ горсть земли съ могилъ сыпучихъ,
Кладетъ ее на грудь къ себѣ съ мольбой,

Чтобъ всюду пасть съ родимою землей,
И крестится, и слезы утираетъ,
Идетъ въ куренъ, товарищей сзываетъ,
И до утра казаки пьютъ, шумятъ,
О стародавнихъ битвахъ говорятъ.
Нахмурившись, сидятъ ихъ атаманы,
Сидятъ, да молча правятъ ятаганы,
И до́ утра танцуютъ гопака
Межь бочками два пьяныхъ казака...

Вотъ поднялись туманы отъ земли,
Надъ синей степью маки зацвѣли —
Кунтуши запорожскіе алѣютъ,
На бунчукахъ султаны гордо вѣютъ.
Въ походъ идетъ казакъ и гайдамакъ,
И хуторянинъ мирный, и чумакъ,
И строится походъ тремя полками,
Тремя полками, подъ тремя горами.
Какъ первый полкъ ведетъ Самко-Мушкетъ,
А на Самкѣ́ китайчатый бешметъ.
Къ казаку мать старуха выбѣгаетъ,
За стремя сына милаго хватаетъ:
«Ой, сынъ мой, сынъ! меня ты погубилъ,
Меня живую въ гробъ ты положилъ!»
И голоситъ и плачетъ соколица,
Какъ сирота въ поляхъ перепелица.
—«Мнѣ тошно, мать! убей тоску мою,
Я, какъ мертвецъ, лежу, не ѣмъ, не пью!

Ужъ что же мнѣ, родимая, не пьется,
Вкругъ сердца моего ехидна вьется?..
Знать мнѣ пора на волѣ погулять,
Кудрявымъ чубомъ съ вѣтромъ поиграть!»
—«Ой, сынъ мой, сынъ! меня ты покидаешь,
Меня съ сестрой теперь не приласкаешь!»
—«Не для того мнѣ матерь и сестра,
Чтобъ не бросать мнѣ хаты да двора!
Ужь если надо мнѣ кого ласкать,
Такъ не сестру ласкать мнѣ и не мать!
Есть у меня дончакъ, лихой коняка,
Товарищъ смѣлый, бѣшеный гуляка:
Того коня я буду вѣкъ любить,
Его за ковшъ червонцевъ не купить!
Есть у меня и вѣрная сестрица:
У бока сабля, пани соболица!
Спроси ее, спроси, голубка-мать,
Чѣмъ ей со мной не жить, не гарцовать?
Ой, пани жъ, пани, съ Ляхомъ ты встрѣчалась,
Да и не дважды съ нимъ ты цаловалась!»
Походный рогъ въ послѣдній разъ трубитъ,
Казакъ своей родимой говоритъ:
«Не убивайся, матушка, съ печали,
Уже въ сурьмы и въ бубны заиграли,
И заигралъ мой буйный вороной —
Иди скорѣй, родимая, домой!
Ты горькими слезами умывайся,
Ты рукавомъ узорнымъ утирайся,

И вспоминай ты чаще обо мнѣ,
Какъ буду я въ далекой сторонѣ...
Припомнишь—червь костей мнѣ не источитъ,
А не припомнишь—чорной кошкой вскочитъ
На плечи бѣсъ ко мнѣ и загрызетъ,
И прахомъ очи въ битвѣ замететъ!»

Второй отрядъ, въ черкескѣ бѣлой, новой,
Выводитъ Кукуруза чернобровой.
За кушакомъ его горитъ, какъ жаръ,
Наслѣдіе Таврическихъ Татаръ
Алмазами усыпанная шашка;
Жемчужиной пунцовая рубашка
Застегнута; во фляжкѣ за сѣдломъ
Качается столѣтній польскій ромъ;
И шелкъ усовъ курчавыхъ и ланиты
Лучемъ зари пурпуровой облиты—
И на бекрень заломленъ на ушахъ
Барашковый-серебряный папахъ.
Какъ лучь изъ тучь, хорунжій выступаетъ
И такъ сестру съ усмѣшкой утѣшаетъ:
«Не плачь, сестра, довольно пить да спать,
Пришла пора по свѣту погулять!
Тотъ не казакъ, кто водъ не пилъ подольскихъ,
Не цаловалъ въ уста красавицъ польскихъ,
И дорогихъ атласовъ и парчей
Не привозилъ сторонушкѣ своей!
Ой, степь ли, степь! не одного съ сестрою,

Аль съ чернобровой, вѣрною женою,
Ты разлучала, буйная, навѣкъ...
Да не сидитъ чубатый человѣкъ!
Я объ одномъ молю тебя, родная,
Есть у меня коханка молодая:
Ужь я жь ее любилъ, да миловалъ,
Ужь я жь ее лелѣялъ, да ласкалъ!
Возьми, сестрица, въ домъ къ себѣ голубку,
Одѣнь ее въ матерчатую шубку,
Дукатами ей шейку убери,
А лаской слезы жгучія утри.
И ужь обуй ты бѣленькія ножки
Въ сафьянные съ подковками сапожки,
И ужъ люби жь ее, да почитай,
Да милою сестрою называй!»
—«На все, на́ все твоя, соколикъ, воля:
Ужь такова твоя лихая доля...
Ступай, гуляй, съ лихимъ врагомъ играй,
Да къ Покрову съ похода пріѣзжай!»
—«Охъ, я бы и скорѣй къ тебѣ вернулся,
Да что-то конь мой въ воротахъ споткнулся:
На грудь мою печаль свинцомъ легла,
И словно смерть меня за чубъ взяла.»

Послѣдній полкъ равниною песчаной
Велъ Полтора-Кожуха безталанной...
Никто бойца, никто не провожалъ,
И громкимъ крикомъ степь онъ оглашалъ:

«Сестра моя въ Крыму, а мать въ Полтавѣ,
Гуляй, казакъ, на всей казацкой славѣ!»
И словно барсъ по камнямъ мчался конь,
И вылеталъ изъ-подъ копытъ огонь...

Такъ курени вояки покидали,
Казачки молча у воротъ стояли,
И молча милыхъ взоромъ провожали,
И, плача, руки бѣлыя ломали.

—

Какъ на четыре поля шли казаки,
На пятое, Подолье, шли вояки.
Однимъ путемъ пошелъ Самко-Мушкетъ,
А за хорунжимъ ѣхало во слѣдъ
Едва чѣмъ менѣе трехъ тысячъ братовъ,
Все храбрыхъ душъ, все Запорожцевъ-хватовъ.

Они стамбулки синія дымятъ,
Какъ пчелы въ ульѣ, шепчутся, гудятъ,
Гремятъ въ сурьмы, въ литавры, въ барабаны,
И словно жаръ пылаютъ ихъ жупаны,
На длинныхъ пикахъ вѣютъ бунчуки,
Ревутъ волы, гарцуютъ сердюки;
Идетъ обозъ тяжелымъ караваномъ,
Летятъ стрѣлки, разсыплясь по полянамъ;
На плащаницахъ шелковыхъ знамёнъ
Сверкаютъ лики дѣдовскихъ иконъ;
И булавы полковъ заповѣдныя

Несутъ на плечахъ старцы-Кошевые,
И ѣдетъ сзади писарь войсковой,
Съ чернильницей Хмѣльницкій молодой!
Казаки шапки черныя скидаютъ,
И Господу хваленья возсылаютъ,
Кладутъ кресты, поютъ святой канонъ,
И молятся до войсковыхъ иконъ:
«Дай Богъ пожить намъ съ воеводой славнымъ,
Какъ жили всѣ мы братствомъ православнымъ,
Ѣсть хлѣбъ его, конемъ враговъ топтать,
Да славы Запорожью наживать!»

Отрядъ несется пыльною дорогой —
Одинъ хорунжій занятъ думой строгой.
Онъ на конѣ не вьется, не кипитъ,
Все сивый усъ кусаетъ, да молчитъ:
Чтобъ сто бѣсовъ убили то молчанье,
То крѣпкое и грозное гаданье!

Самко-Мушкетъ поникнулъ головой
И говоритъ въ раздумьи самъ съ собой:

«Что, если, какъ въ аду, насъ Ляхи сжарятъ,
Да изъ костей казацкихъ пиръ заварятъ?
Что, если нашимъ бѣднымъ головамъ
Да лечь во прахъ по вражескимъ полямъ?...
Закрячетъ воронъ, степь перелетая,
Застонетъ лебедь, въ небѣ утопая,
И сизый соколъ станетъ тосковать,

И сизый коршунъ станетъ горевать
Все по своимъ товарищамъ, казакамъ,
Все по могучимъ братьямъ, гайдамакамъ!
Аль занесло ихъ пылью на ходу,
Аль ихъ враги пожарили въ аду,
Что не видать ни по степямъ чубатыхъ,
Что не видать ни по лугамъ усатыхъ,
Ни по турецкимъ землямъ и морямъ,
Ни по подольскимъ рѣкамъ и полямъ?
Хрустятъ, какъ щепки, кости по долинѣ,
Звенятъ мечи и копья по равнинѣ,
А сѣрая сорока бьетъ крыломъ,
Оскалилась и прыгаетъ сверчкомъ...
Висятъ чубы бойцовъ съ головъ кровавыхъ,
Какъ-будто Ляхъ наплёлъ жгутовъ кудрявыхъ,
Въ крови чубы, въ крови позапеклись,
Вотъ такъ-то славы всѣ мы набрались!»

И горестно Самко-Мушкетъ вздыхаетъ,
Покинулъ поводъ, думаетъ, гадаетъ;
Онъ отстаетъ отъ войска своего
И, словно коршунъ, рѣетъ мысль его!
И видитъ онъ; лихаго казачину
Берутъ враги за сивую чуприну,
На крюкъ цѣпляютъ храбраго ребромъ
И жгутъ его медлительнымъ огнемъ,
По поясъ кожу съ рыцаря сдираютъ,
Кровавый черепъ солью посыпаютъ —

И въ поломѣ свистящаго огня
Костлявый трупъ качается три дня!

Какъ на четыре поля шли казаки,
На пятое, Подолье, шли вояки.
Однимъ путемъ пошелъ Самко-Мушкетъ,
Другимъ, за Кукурузою во слѣдъ,
Пошло не менѣе трехъ тысячъ братовъ,
Все храбрыхъ душъ, все Запорожцевъ-хватовъ.
Они горой зеленою идутъ,
Шумятъ, поютъ и въ барабаны бьютъ,
И молвятъ такъ хорунжему лихому,
Степанкѣ Кукурузѣ молодому:
«Здоровъ ли ты и живъ ли, панъ Степанъ?
Что плачешь ты, аль спозаранку пьянъ?
Или тебя, казакъ, заворожили,
Любовнымъ зельемъ свахи опоили?
Печаль да слезы храбрымъ не рука,
Лихая смерть найдетъ и казака.
Когда-нибудь и насъ съ тобой зароютъ,
Сырой землей глаза орламъ закроютъ,
И будутъ насъ старухи поминать,
А по тебѣ... красотки горевать.»
И молвитъ рыцарь: «Все ты одинаковъ,
Будь ты Якимъ, аль будь ты просто Яковъ...
Вотъ, какъ прійдемъ мы до горы седьмой,
Да какъ грозой на насъ ударитъ бой,

То будетъ намъ все то, что куковала
Кукушка, что въ сыромъ бору летала!
А что она вѣщала, вѣрь тому,
Какъ вѣришь, рыцарь, сердцу своему!
И занесутъ насъ прахомъ ураганы,
И обовьютъ насъ саваномъ туманы,
И станетъ ждать добычи сѣрый волкъ,
Какъ разобьютъ враги нашъ славный полкъ:
Лихая смерть сравняетъ всѣхъ насъ, дѣти,
Не долго жить орламъ на бѣломъ свѣтѣ!»

Ужь и по правдѣ жь, ясный панъ-отецъ,
Ужь и по чистой правдѣ, удалецъ,
Ты говорилъ: не миновало году,
Отпѣли Запорожцы воеводу...
Нечистый Ляхъ тебя въ цѣпяхъ держалъ,
И, какъ раба, въ цѣпяхъ колесовалъ!

—

Какъ на четыре поля шли казаки,
На пятое, Подолье, шли вояки.
Однимъ путемъ шелъ удалой Самко,
Другимъ путемъ шелъ молодой Стецько,
А третьимъ шелъ, безъ чуба и безъ уха,
Карпо́, прозваньемъ Полтора-Кожуха.
Онъ на конѣ передъ полкомъ игралъ,
Въ одной сорочкѣ рыцарь гарцовалъ,
И волновались въ буйномъ безпорядкѣ

Его шальваръ безчисленныя складки,
Сверкали шпоры желтыхъ сапоговъ,
Чернѣли змѣи длинныя усовъ,
А вѣтеръ вѣялъ шелковой уздечкой,
Уздечкой, съ кабардинскою насѣчкой,
Да съ сивой шапки алый платъ висѣлъ,
Да ятаганъ у пояса звенѣлъ.

Ведетъ Карпо́ три тысячи казаковъ,
Все храбрыхъ братовъ, славныхъ гайдамаковъ.
Они стамбулки синія дымятъ,
Какъ пчелы въ ульѣ, шепчутся, гудятъ,
Гремятъ въ сурьмы, въ литавры, въ барабаны,
И, словно жаръ, пылаютъ ихъ жупаны,
На длинныхъ пикахъ вѣютъ бунчуки,
Ревутъ волы, гарцуютъ сердюки.
Идетъ обозъ тяжелымъ караваномъ
Летятъ стрѣлки, разсыплясь по полянамъ,
И бодро полкъ волнуется, идетъ,
И панъ-Карпо передъ полкомъ поетъ:

«На горѣ ль зеленой да жнецы жнутъ,
А подъ той горою,
Подъ горой крутою,
Въ барабанъ бьютъ!
Передъ казаками вождь похода
Ведетъ свою лаву,
Запорожцевъ славу,
Воевода!

Середи казаковъ атаманы,
У нихъ кони злые,
Кони вороные,
Ураганы!
А панъ Сагайдачный въ хвостъ забился!
Онъ отдалъ за трубку
Ясную голубку —
И напился!
Охъ, вернись, вернися, казачина,
Возьми свою радость,
Отдай мою сладость,
Молодчина!
Мнѣ съ женой твоею не возиться,
А безъ трубки въ полѣ
Казаку на волѣ
Не ужиться...
Гей, кто въ буйномъ лѣсѣ, отзовися,
Да костеръ навалимъ,
Да тютюнъ запалимъ,
Веселися!

Такъ на конѣ, гремя и распѣвая,
И бунчукомъ надъ головой махая,
Карпо́ на бой кровавый выступалъ,
Въ одной сорочкѣ рыцарь гарцовалъ,
И волновались въ буйномъ безпорядкѣ
Его шальваръ безчисленныя складки,
Сверкали шпоры желтыхъ сапоговъ,
Чернѣли змѣи длинныя усовъ,
А вѣтеръ вѣялъ шелковой уздечкой,

Уздечкой, съ кабардинскою насѣчкой,
Да съ сивой шапки алый платъ висѣлъ,
Да ятаганъ у пояса звенѣлъ...

* * *

Ой, братъ казакъ, ты въ сласть навеселился,
Въ лихомъ пиру, ты смерти полюбился!
Пьяно было́ кровавое вино,
Тебя, какъ снопъ, свалило въ прахъ оно,
А надъ бойцомъ и люба насмѣялась,
Съ другими смерть въ бою нацаловалась!..

Летитъ гроза, ковыль-трава шумитъ,
Карпо́ въ степи застрѣленный лежитъ,
Припалъ къ кургану тяжкой головою,
Накрылъ глаза осо́кою рѣчною,
И жметъ къ груди изрубленный жупанъ,
И кровь бѣжитъ изъ трехъ широкихъ ранъ —
А въ головахъ казака воронъ крячетъ,
Въ ногахъ любимый конь тоскуетъ, плачетъ,
И въ землю бьетъ копытомъ и храпитъ,
И съ паномъ такъ въ пустынѣ говоритъ:
«Ой, панъ мой, панъ, безъ чуба и безъ уха,
Ой, панъ хорунжій, Полтора-Кожуха!
Кому теперь покинешь ты меня,
Кому отдашь ты вѣрнаго коня?
Отдашь ли Нѣмцамъ ты, аль Янычарамъ,
Аль подаришь любимаго Татарамъ?»

—«Тебя мой конь, нечистымъ не поймать,
Тебя лихимъ врагамъ не осѣдлать!
Бѣги, летунъ мой, синими степями,
Бѣги, соколикъ, топкими лугами,
И прибѣги ты на мое крыльцо,
Ужь и ударь ты въ звонкое кольцо.
Къ тебѣ на встрѣчу выбѣжитъ сѣдая
Казачка, руки бѣлыя ломая.
Она тебя за поводъ станетъ брать,
Начнетъ тебя ласкать, да миловать,
Омоетъ пыль съ тебя водой студеной,
Тебя укроетъ шелковой попоной,
Начнетъ кормить отборною травой,
Начнетъ поить янтарною сытой,
И, плача, станетъ спрашивать о сынѣ,
О гайдамакѣ, славномъ казачинѣ:
«Ой, конь мой, конь, летунъ ты вороной,
Скажи-ка, гдѣ ѣздокъ твой дорогой?
Аль ты убилъ его въ бою кипучемъ,
Аль обронилъ его въ лѣсу дремучемъ?»
— Я казака, скажи, не убивалъ,
Его въ лѣсу дремучемъ не ронялъ:
Казакъ женился, взялъ себѣ панянку,
Во чистомъ полѣ взялъ себѣ землянку:
Туда и вѣтеръ вольный не зайдетъ,
Туда и солнце свѣта не прольетъ.
Тамъ въ бочкѣ винной чумаки степные
Зарыли въ землю кости удалыя...

Печаленъ былъ усатаго конецъ,
Да крѣпко спитъ гуляка-молодецъ —
И спитъ онъ весь, и спятъ, во тьмѣ могилы,
Его на вѣтеръ кинутыя силы,
И сторожитъ далекая земля —
Въ чужомъ краю кормило корабля!»

—

Слѣпецъ замолкъ. Подавленный тоскою,
Поникъ на грудь сѣдою головою,
И очи онъ незрячія возвелъ
На даль небесъ, на безграничный долъ —
А вкругъ него тянулися курганы,
Неслись столбовъ песчанныхъ караваны,
Да буйный вѣтеръ бушевалъ кругомъ,
Струя ковыль волнистымъ серебромъ,
Да стражъ степей, орелъ подъ небесами,
Сновалъ, кружилъ зловѣщими кругами —
И всталъ старикъ, и громко зарыдалъ,
И надъ своей бандурою припалъ:

«Ой, ты жъ, бандура, люба ты моя,
Орломъ влетала въ душу пѣснь твоя!
Что жь сиротой ты горемычной плачешь,
Что жь вороненкомъ ты безкрылымъ крячешь?
Не я ль тебя да подъ грозой прижилъ,
Не я ль тебя безвременьемъ повилъ,
Согрѣлъ печалью, выкормилъ бѣдами,

Да безталанными вспоилъ слезами?
Иль душу я на торжищѣ продалъ,
Иль память я по вѣтру разметалъ?..
Греми жь, бандура, плачь и разрывайся,
Да въ сумрачной бывальщинѣ купайся!
Греми и пой о славѣ казаковъ,
О славѣ храброй Сѣчи соколовъ!..
За то греми, что тѣ латинство гнали,
Что бусурманъ нещадно побѣждали,
Что православный крестъ отцовъ-орловъ
Спасли цѣной казаческихъ головъ—
Что за свою за славу погибали,
И ни предъ кѣмъ во вѣкъ не отступали!
И будетъ слава по міру летать,
И будутъ славу славно поминать,
Промежь казаками,
Промежь удальцами,
Промежь всѣми въ свѣтѣ молодцами,
Горами
И долами!
Промежь люда царскаго,
Народа христіанскаго,
Съ долиною днѣпровою,
Низовою,
На многія лѣта,
До конца свѣта! (7).

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) Сказка «*Живая Свирѣль*» имѣетъ свои двойники во многихъ иностранныхъ сказкахъ. Несравненный излагатель сказокъ нѣмецкихъ, Жуковскій, представилъ намъ разсказъ «Тюльпанное дерево» гдѣ роль украинской свирѣли играетъ птичка, вылетѣвшая изъ капли крови убитаго ребенка. Даже пѣсня, которую поетъ эта птичка, очень сходна съ тономъ пѣсни степной сказки. У Шведовъ есть разсказъ о любовникѣ, разлученномъ со своею милой: дѣвушка умираетъ съ тоски по другѣ, на ея могилѣ выростаетъ дерево и изъ этаго дерева дѣлаютъ лютню; лютня случайно попадается въ руки юноши, который вернулся на родину, съ цѣлію отыскать свою подругу. Онъ беретъ лютню, подходитъ къ окну возлюбленной и начинаетъ пѣть страстную серенаду.... Но нежданно слова его прерываются, лютня звучитъ голосомъ человѣческимъ, голосомъ переселившейся въ нее его возлюбленной, и съ послѣдними звуками этого вдохновеннаго плача душа пѣвца покидаетъ тѣло: пѣвецъ, сжимая въ объятіяхъ чудный инструментъ, умираетъ съ улыбкою на устахъ! Въ Арабскихъ сказкахъ мы не отыскали ничего

подобнаго «Живой Свирѣли»; но въ турецкой или скорѣе въ кавказской сказкѣ «Ашикъ-Керибъ», разсказанной Лермонтовымъ въ прозѣ и напечатанной послѣ его смерти въ альманахѣ Гр. Соллогуба, семиструнный саазъ Ашикъ-Кериба играетъ подобную же роль.

Что касается до завязки разсказа, основаннаго на характерахъ двухъ дочекъ казака, *злой* и *доброй*, то подобные мотивы встрѣчаются во многихъ степныхъ сказкахъ. Вотъ одна изъ нихъ, болѣе оправдывающая идею «Живой свирѣли.»

— «Былъ себѣ дѣдъ да баба. У дѣда была дочь, и у бабы была дочь. Вотъ и говоритъ баба дѣду: завези да и завези, дѣдъ, свою дочь, куда знаешь! Беретъ дѣдъ свою дочь и везетъ ее въ темный лѣсъ. Пріѣзжаетъ въ лѣсъ, въ лѣсу стоитъ хатка. Вотъ и говоритъ дѣдъ своей дочкѣ: сиди тутъ, а я пойду дровъ нарублю. Выходитъ онъ изъ хаты, привязываетъ къ березѣ дощечку и идетъ домой... Ждетъ-пождетъ отца дѣвочка, а дощечка отъ вѣтра «стукъ» да «стукъ!» — Это мой батюшка дрова рубитъ! думаетъ дѣдова дочка, и снова ждетъ отца. Но день склоняется къ вечеру, солнце заходитъ, а отецъ не возвращается... Настаетъ ночь и дѣвочка слышитъ, промежъ деревьевъ, стучитъ-бѣжитъ, гремитъ лошадиная голова.... Прибѣжала голова къ хаткѣ и говоритъ: «Дѣвка, дѣвка, отвори двери!» Дѣвочка отворила. «Дѣвка, дѣвка, пересади меня черезъ порогъ!» — Она пересадила. — «Дѣвка, дѣвка, давай ужинать!» Она подала. — «Дѣвка, дѣвка, постели постель!» —

Она постлала. — «Дѣвка, дѣвка, говори мнѣ сказки!»—Она стала говорить сказки.—«Дѣвка, дѣвка, влѣзай мнѣ въ лѣвое ухо, а вылѣзай въ правое!» —Она влѣзла въ лѣвое ухо, а вылѣзла въ правое, и стала красоты неописанной, и сѣла въ золотую карету, съ серебряными лошадьми, и поѣхала въ свои земли... По дорогѣ заѣхала къ отцу къ матери, одарила ихъ всѣми на свѣтѣ богатствами и только не одарила своей сестры, бабиной дочки!

«Проходитъ годъ, дѣдъ да баба опять говорятъ между собою, и баба приказываетъ дѣду: завези да и завези, дѣдъ, мою дочь, куда знаешь! завези туда, куда завозилъ ты и свою дочку!—Беретъ дѣдъ бабину дочку и везетъ ее въ темный лѣсъ. Пріѣзжаетъ въ лѣсъ, въ лѣсу стоитъ хатка. — Сиди же тутъ, а я дровъ пойду нарублю! говоритъ онъ бабиной дочкѣ, выходитъ изъ хаты, привязываетъ къ березѣ дощечку и идетъ домой. Дощечка опять качается отъ вѣтра и стучитъ... «Что онъ тамъ засѣлъ, старый индюкъ?» говоритъ со злости бабина дочка, и снова день склоняется къ вечеру, солнце заходитъ и ночь застилаетъ небо... И вотъ въ самую полночь, промежъ деревьевъ, слышитъ бабина дочка, стучитъ-гремитъ, бѣжитъ лошадиная голова. Прибѣжала къ хаткѣ.—«Дѣвка, дѣвка, отвори!» — Не велика паня, и сама отворишь! — Голова переступила черезъ порогъ. — «Дѣвка, дѣвка, давай ужинать!»—Не велика паня, и сама возьмешь! — Голова поужинала. — «Дѣвка, дѣвка, постели постель и положи меня спать!» — «Не велика паня, и сама ляжешь!»—Голова легла.—

«Дѣвка, дѣвка, влѣзай мнѣ въ лѣвое ухо, а вылѣзай въ правое!»—Бабина дочка влѣзла въ лѣвое ухо, а вылѣзла въ правое, — и стала старою престарою цыганкой, безъ зубовъ и съ клюкою, и пошла въ лѣсную трущобу и съ горя утопилась въ лѣсномъ болотѣ.»

Что касается до роли, которую играетъ камышъ, или по-украински «очеретъ» въ сказкѣ «*Живая свирѣль*» — то мы на это замѣтимъ, что камышу суждено играть такую поэтическую роль не въ одной этой сказкѣ. Вообще камышъ въ жизни Украинцевъ растеніе самое поэтическое; съ нимъ связанъ цѣлый рядъ преданій и сказокъ. Уединенное произрастаніе его среди болотъ и трясинъ, въ лѣсахъ и на тощихъ степныхъ ручьяхъ, придало ему какой-то фантастическій, чудесный образъ. Къ этому присоединился еще и самый обычай Малороссовъ дѣлать предпочтительно изъ тростника свирѣли, на которыхъ чабаны играютъ свои заунывныя пасторали, а парубки акомпанируютъ своимъ серенадамъ. Въ шуточныхъ пѣсняхъ очеретъ съ осокой образуютъ супружескую двойственность; съ сухимъ, наконецъ, очеретомъ сравниваютъ и парубка, застѣнчиваго въ любви:

«Ой сухій очеретъ, та лепеховатый,
«Чи ты жъ мене не пизнáвъ, та прибеховатый?» —

Это сродство сказочнаго вымысла съ самимъ взглядомъ Украинца на камышъ или очеретъ имѣетъ снова свой двойникъ и въ другихъ сказкахъ. Таково происхожденіе сказки «Утонувшей феи» записанной Альфредомъ Михельсомъ въ Шварцъ-Вальдѣ, близъ

Баденской долины, со словъ одного нѣмецкаго поселянина: «Феи, жившія въ Черномъ лѣсу, за свою доброту и ласковость, были искони любимы обитателями долины. Молодой пастухъ влюбился въ одну изъ этихъ чудныхъ дѣвъ; фея полюбила пастуха... Много блаженныхъ дней протекло для влюбленной четы. Однажды фея, покидая съ зарею своего милаго, сказала ему: какъ бы я долго не являлась къ тебѣ, не смѣй меня отыскивать и приближаться къ лѣсу! — Она не являлась два дня. Юноша сталъ тосковать, не вытерпѣлъ и бросился ее отыскивать. Онъ вошелъ въ дуброву Чернаго лѣса; мракомъ и холодомъ пахнуло на него. Онъ сталъ кликать свою дорогую подругу... Звуки его голоса терялись безъ отголосковъ. Наконецъ онъ услышалъ въ волнахъ синяго озера, которое мелькало между кустовъ, глухой стонъ... Онъ кинулся къ озеру и вмигъ вода въ озерѣ заколыхалась и вся налилась кровью! Юноша навѣки лишился своей чудной феи.» — Все это преданіе основано на той особенности, что воды озеръ въ Черномъ лѣсу, отъ грунта земли, богатой окисями металловъ, всегда почти имѣютъ видъ крови...

Что наконецъ касается до самой пѣсенки, которую поетъ «Живая свирѣль», то ея первообразы встрѣчаются во многихъ украинскихъ пѣсняхъ. Такъ форма этой пѣсни сходна съ пріемами пѣсни о дѣвушкѣ, утонувшей на вечерѣ подъ Ивана-Купала:

«Сестрица утонула, три слова сказала:
«Не рубай, братику, бѣлой березоньки;

«Не коси, братику, шевковой травы;
«Не срывай, братику, чорного терну!
«Бѣлая березонька — то я молоденька;
«Шовкова трава — то моя руса коса;
«А чорный тернъ — то мои кари очи!»

Наказаніе преступницы, состоящее въ привязаніи ея къ хвосту коня, кромѣ самаго обычая, по всей вѣроятности существовавшаго у старинныхъ обитателей степей, чему служитъ доказательствомъ извѣстный случай съ Мазепою, послужившій Байрону къ созданію его поэмы, это наказаніе оставило свои слѣды и въ нѣкоторыхъ народныхъ украинскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. Подтвержденіемъ нашихъ словъ можетъ служить слѣдующая сказка о панночкѣ «Немировнѣ.» — У одной старухи была дочь. Старый богачь хотѣлъ на ней жениться и заплатилъ матери за нее богатый выкупъ. Мать отдала ему свою дочь; но дочь не прожила у стараго богача и двухъ дней, и босая, пѣшкомъ, убѣжала отъ него по выжженной степи. Озлобленный старикъ бросился за нею, догналъ ее, — «привязалъ ко хвосту коня и по терновникамъ потащилъ ее обратно къ матери» — сказавъ съ усмѣшкою старухѣ: «везу тебѣ дочку пьяненьку! упилася она отъ коня, а заснула отъ ножа!»

—

2) Сказка «*Крымскій плѣнникъ*», еще болѣе предыдущей, имѣетъ отголоски въ иностранныхъ народныхъ сказкахъ и преданіяхъ. Полная и за-

конченная литература греческой миѳологіи представляетъ намъ подобный же вымыселъ объ Эндиміонѣ, заснувшемъ въ лѣсу, въ царствѣ цѣломудренной Діаны... У германскихъ народовъ есть всѣмъ извѣстная сказка о спящей царевнѣ. Царевна заснула, уколовшись занозою, надъ самопрялкой, за нею заснулъ весь дворъ, ея слуги, нянюшки, мамушки, фрейлины, повара, даже огонь на кухонныхъ плитахъ, даже дымъ въ трубахъ палатъ. За́мокъ заросъ лѣсами и всѣми былъ позабытъ. Извѣстно, какъ наконецъ, послѣ столѣтняго сна, царевну нашелъ влюбленный сынъ одного короля, и разбудилъ ее, вынувши занозу изъ ея пальчика. У арабовъ въ «Тысячѣ и одной ночи», вслѣдъ за разсказомъ о писцѣ, превращенномъ въ обезьяну, помѣщенъ разсказъ о заснувшемъ городѣ, въ который приплываетъ по Ефрату правовѣрный халифъ и спасаетъ городъ отъ мести Аллаха. Преданіе о спящемъ царствѣ мы находимъ и въ великороссійской сказкѣ «Объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ» разсказанной въ стихахъ Жуковскимъ. У народовъ романскихъ есть также подобныя сказки. Эженъ Сю въ «Вѣчномъ Жидѣ» указываетъ на многія подобныя преданія. Между прочимъ онъ упоминаетъ объ одномъ пустынникѣ, который въ лѣсу заслушался соловья, задремалъ и проспалъ сто лѣтъ... Когда онъ, проснувшись, явился снова въ свой родной городъ и сталъ говорить о томъ, что по его мнѣнію происходило только вчера, всѣ отворачивались отъ него съ насмѣшками и считали его за сумасшедшаго: то,

о чемъ онъ говорилъ, было для нихъ такою стариною, о которой даже лѣтописи ничего не знали...

Въ Малороссіи есть тоже преданія, сходныя съ тѣмъ, которое послужило основаніемъ «Крымскому плѣннику». Въ землѣ войска Донскаго, въ имѣніи помѣщика В. А. Панова, на черкасской дорогѣ, находится знаменитая въ степяхъ Сауръ-могила. Ее не должно смѣшивать съ Яуръ-могилою, находящеюся около Липецъ, въ Харьковской губерніи. И. И. Срезневскій, обладающій неоцѣненными сокровищами по части матеріяловъ для изученія украинской поэзіи, сообщилъ намъ начало одной пѣсни о Сауръ-могилѣ, записанное имъ въ 1830 году со словъ одного Украинца. Вотъ это начало:

«Якъ пожену я скотину
«Та пидъ Сауръ-могилу!
«Тай пустивъ скотину
«У долину,
«А самъ пійшовъ на могилу...
«Ой ляжу, спочину!...
«Спавъ-не-спавъ —
«Третьяго года вставъ:
«Сирячина зацвила,
«Герлыга заржавила!...»

Нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ нибудь въ степи существуетъ продолженіе этой интересной легенды. Чумакъ, проспавшій на Сауръ-могилѣ три года, просыпается и видитъ, что его одежда «сирячина» обвѣтшала, что его желѣзная пастушья трость «герлыга» заржавѣла... Этимъ не можетъ кон-

читься подобная пѣсня. Вѣроятно съ Сауромъ-могилою связано какое-нибудь болѣе замѣчательное происшествіе и преданіе, разсказанное въ пѣснѣ, кончается не одною «сирячиною» и пастушьею тростью: если къ новому Эндиміону не прилетала съ Олимпа Діана, то по крайней мѣрѣ волы, пущенные въ долину, могли своею судьбою, дорогою для украинца, составить продолженіе этой легенды.

Кстати. Вотъ другой отрывокъ, сообщенный намъ И. И. Срезневскимъ. Это начало украинской «Леноры»:

«Мисяцъ свите,
«Мертвецъ йіде!...
«— Чи не боишься ты, дивонько? —
«— Чого жъ мини боятися,
«Що я йіду винчатися!» —

—

3) Въ сказкѣ «*Ивашко*» упоминаются «некрещенные младенцы». Малороссіяне преданіе объ этихъ младенцахъ приводитъ въ другомъ мѣстѣ и въ другой сказкѣ. Мы рѣшились слить преданіе о нихъ съ преданіемъ объ Ивашкѣ и вѣдьмѣ на томъ основаніи, что, по мнѣнію украинскихъ простолюдиновъ, эти поэтическія малютки являются на свѣтъ въ самый зной, играютъ на солнцѣ и прячутся съ закатомъ его: они особенно любятъ глухую сторону — лѣсъ и озера, и это шло, по нашему мнѣнію, къ картинѣ дебри, въ которой Ивашко ловилъ рыбу. Малороссіяне не ри-

суютъ этихъ малюточекъ: они только говорятъ, что они «такіе малюсинькіе, что четверо могутъ сѣсть на крылѣ одной мухи'»

Преданіе о вѣдьмѣ и кузнецѣ встрѣчается и у другихъ славянскихъ племенъ. У Болгаровъ, какъ сообщилъ намъ С. Н. Палаузовъ, есть даже цѣлая сказка, подобная «Ивашкѣ».

Что касается до пѣсни матери Ивашки, въ которой встрѣчаются нѣсколько странныя для наскаго слуха уменьшительныя слова, выражающія любовь и ласки нѣжной старушки, то на это мы замѣтимъ, что Малороссы вообще падки до такихъ уменьшительныхъ названій. Такъ, напримѣръ, на слово *сердце* у нихъ существуетъ восемь видоизмѣненій: сéрденько, сердéнько, серденéнько, сердéсенько, сердéчко, серденя́, серденя́тко и серденя́точко; а на слово *орелъ* цѣлыхъ девять: о̀рликъ, о́рлычокъ, о́рленько, орля́, орленя́, о́рлятко, орля́точко, орленя́тко и орленя́точко.

Самое превращеніе вѣдьмы въ осину имѣетъ основаніе въ южнорусскихъ пѣсняхъ. Укажемъ на пѣсню о Ганнусѣ, утонувшей въ рѣкѣ подъ Ивана Купала. Въ бѣрецкихъ колядкахъ, сообщенныхъ И. И. Срезневскимъ автору разсужденія «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи» есть пѣсня о превращеніи молодца въ яворъ:

«Ставъ винъ молоденькій зеленымъ яворомъ...
«Прорикъ яворець до матери словце:
«Зелене листья — мое одѣянье,
«Дрибни прутики — мои пальчики!» и т. д.

4) Сказка «*Сонъ во майскую ночь*» состоитъ, какъ легко увидѣть, изъ трехъ отдѣльныхъ сказокъ. Казакъ, заснувши дома, видитъ во снѣ, что онъ уѣхалъ съ братьями въ поле, съ нимъ происходятъ разныя чудеса и, въ добавокъ, онъ говоритъ во снѣ сказку, и видитъ, что и пріятель, встрѣченный имъ въ дынѣ, также говоритъ сказку. Это имѣетъ снова свое основаніе въ необыкновенной способности Украинцевъ создавать во всякую минуту жизни, въ печали и на радости, самые причудливые разсказы и небылицы.

—

5) Сказка «*Огненный цвѣтокъ*» состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ сказокъ. Растеніе «пáпоротникъ», послужившее для нея сюжетомъ, по мнѣнію Украинцевъ, цвѣтетъ однажды въ годъ, въ ночь на Ивана-Купала. Дýхи лѣсные стерегутъ его, и великія препятствія предстоятъ тому, кто бы задумалъ достать цвѣтокъ этаго чуднаго растенія, способнаго открывать подземные клады.

Писарь, похваставшій тѣмъ, что въ темномъ лѣсу спроситъ у кукушки, сколько лѣтъ ему остается жить на свѣтѣ, по всей справедливости, могъ этимъ похвастаться, потому что Украинцы отъ души вѣрятъ всему, что кукуетъ кукушка. «Зозули правду спиваютъ» — «що воны куютъ, тому стати й бути!» Вотъ преданіе о превращеніи дѣвушки въ кукушку:

— «Жила-была одна богатая пани. У нея была однимъ-одна дочь, и хотѣла ее мать выдать за

стараго и некрасиваго богача. Молодая панночка не могла ничѣмъ умолить матери и дала свое согласіе. Насталъ день брака. Молодую убрали къ вѣнцу. Всѣ собрались въ «поѣздъ» — но невѣсты нѣтъ. Ее всюду ищутъ, сама старая пани бѣгаетъ по комнатамъ палатъ — все напрасно. Какъ вдругъ поздним вечеромъ гдѣ-то раздается звонкій хохотъ... «Скройся жъ ты на вѣки!» кричитъ разгнѣванная мать» и отзывайся всегда такъ, какъ теперь отзываешься!» — И вслѣдъ за этимъ послышалось въ кустахъ сада: *куку! куку!* — Явилась на свѣтъ неизвѣстная дотолѣ птица, и съ тѣхъ-поръ ведетъ себя самымъ страннымъ образомъ: считаетъ низкимъ для себя вить гнѣздо, выбираетъ маленькую птичку и велитъ ей высиживать свои яйца; и когда увидитъ, что птичка хочетъ улетѣть, привязываетъ ее волоскомъ ко гнѣзду. Помня свой важный родъ, она заставлаетъ себѣ служить еще другую птицу, которая носитъ ей кормъ.»

—

6) Въ сказкѣ «*Оборотень*» видно вліяніе преданій, зашедшихъ изъ странъ Наля и Дамаянти и Метемпсихоза! Подобіе этой сказки мы нашли въ «Тысячѣ и одной ночи», въ разсказѣ о царевнѣ и геніи, превращенныхъ, вслѣдствіе ссоры и борьбы другъ съ другомъ, въ кучи пепла...

—

7) «*Походъ казаковъ*», которымъ мы на этотъ разъ кончаемъ нашъ *первый выпускъ* «Степныхъ

сказокъ», прежде нежели мы взяли его за тему нашего труда, сталъ извѣстенъ своимъ первообразомъ во многихъ иностранныхъ литературахъ.

Въ томъ видѣ, какъ эта «дума» записана И. И. Срезневскимъ, на нѣмецкій языкъ ее перевелъ, въ газетѣ *Ausland*, въ Берлинѣ, около 1840 года, докторъ Триттинъ, сынъ одесскаго англичанина, бывшій въ Оксфордѣ профессоромъ санскритскаго языка. На чешскій языкъ эта «дума» переведена съ перевода Триттина. Въ *Revue des deux Mondes* она переведена въ статьѣ Эйхгофа объ украинской поэзіи. Въ одномъ нью-іоркскомъ «Обозрѣніи» она переведена на англійскій языкъ дочерью харьковскаго профессора Якоби, писавшей подъ псевдонимомъ Та́льфи.

Въ концѣ пьесы «Походъ казаковъ» описывается смерть полковника Полто́ра-Кожуха. Начало этаго описанія встрѣчается въ одной украинской пѣснѣ, которой переводъ мы помѣстили въ числѣ нѣсколькихъ стихотвореній, изданныхъ нами два года тому назадъ. Вотъ этотъ переводъ :

«Вѣтеръ по полю шумитъ,
Весь въ крови казакъ лежитъ —
На курганѣ головой,
Подъ осо́кою рѣчной...
Конь ретивый въ головахъ,
А степной орелъ въ ногахъ.
Ахъ, орелъ, орелъ степной,
Побратаемся со мной!..
Ты начнешь меня терзать

И глаза мои клевать.
Дай же знать про это ей,
Старой матушкѣ моей!
Чуть она начнетъ пытать,
Знай, о чемъ ей отвѣчать.
Ты скажи, что ханъ-султанъ
Взялъ меня служить въ свой станъ,
Что меня онъ отличилъ,
Что могилой наградилъ...
Что съ сынкомъ ужъ ей не жить,
Что волóсъ ему не мыть!
Ихъ обмоетъ ливень грозъ,
Выжметъ, вывѣтритъ морозъ,
А расчешетъ ихъ бурьянъ,
А раскудритъ ураганъ!..
Ты не жди сынка домой,
Зачерпни песку рукой,
Да посѣй, да поливай,
Да роднаго поджидай...
И когда песокъ взойдетъ,
Сынъ на родину прійдетъ!»

—

Вóронъ играетъ въ украинскихъ пѣсняхъ всегда мрачную роль. Казакъ не можетъ равнодушно слышать его зловѣщаго крика:

— «Ой у поли чорный воронъ кряче,
Тожъ винъ мою голову баче!»

Орелъ, на-оборотъ, играетъ роль въ высшей степени трогательную; будучи единственнымъ свидѣтелемъ смерти казака въ степи, онъ съ нимъ

братается и получаетъ его послѣднее, полное горечи и тоски, завѣщаніе... Орелъ при этомъ какъ бы отказывается отъ своей хищной природы и летитъ съ траурною вѣстію къ матери своего новаго брата... Но во́ронъ безпощаденъ и не одинъ старый рубака говорилъ своему сыну словами Амвросія Могилы:

— «Чуешь, сынку? Чорный во́ронъ
«Вьется, кряче,
«За дяка спивае?»

Но казакъ презираетъ этими угрозами, и — такова уже природа его, — для войны онъ покидаетъ все: и отца, и мать, и родимый кровъ, и свою ненаглядную, русокудрую дивчину, — слава для него выше всего...

«Казакъ лежитъ на могилѣ, не думае, не гадае:
«Стрепенувся, та й полетивъ, тилько витеръ чубомъ грае!»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

